

Абд-ур-Рауфъ.

Фридратъ, Абдуррауфъ

РАЗСКАЗЫ

ИНДИЙСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

(Бухара, какъ она есть).

Переводъ съ персидскаго А. Н. КОНДРАТЬЕВА.

Изданіе Махмудъ-Ходжа Бегбуди.

Самаркандъ.

Типо-лкт. Т-ва Б. Газаровъ и К. Сяиновъ.

1913.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣскольکو лѣтъ тому назадъ я встрѣтилъ одного изъ жителей Бухары и спросилъ его про этотъ городъ; онъ наговорилъ столько похвалъ, что съ того момента я сталъ считать посѣщеніе этого города для меня положительно необходимымъ и обязательнымъ. Въ этомъ году мнѣ представился благопріятный случай, и я поспѣшилъ привести въ исполненіе свой планъ. Въ дорогѣ ничего достойнаго упоминанія я не видалъ, и въ концѣ-концовъ прибылъ въ этотъ городъ. Нѣскольکو мѣсяцевъ я изучалъ Бухару и бухарцевъ и познакомился съ большинствомъ ихъ дѣлъ. Съ полнымъ прискорбіемъ я могу сказать: бухарцы не одни принимаютъ участіе въ общемъ упадкѣ мусульманскаго міра, они тащатъ за собой въ долину безпечности и другія мусульманскія племена. Прежде чѣмъ начать разборъ и описаніе этого путешествія, я хочу познакомить уважаемыхъ читателей вкратцѣ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое я составилъ о бухарѣ и бухарцахъ.

Всѣ жители Бухары могутъ быть раздѣлены на три категоріи: *ученые* *), *правящіе* и *жители*. Теперь я кратко расскажу о каждой изъ нихъ:

*) включая и духовенство.

„Ученые“. (Улемы).

Извѣстно, что въ древнія времена Бухара давала много знаменитыхъ ученыхъ людей; ежедневно Буали, Фараби, Мухаммадъ-ибнъ-Измаиль Бухарскій и Улугъбекъ „гоняли другихъ по площади соревнованія и поэтому благородную свою славу вѣшали на уши людей всего свѣта“; около двухсотъ лѣтъ уже прошло, какъ бухарцы сбавили цѣну своей учености. Послѣ прибытія Мирза-хана Ширазскаго бухарскіе ученые стали заниматься только чтеніемъ написанныхъ на поляхъ книгъ объясненій словъ. Мало по малу они дошли въ этихъ бесполезныхъ занятіяхъ до того, что совершенно забыли объ названіяхъ полезныхъ наукъ. Прочіе Туркестанцы, получавшіе свое образованіе тоже въ Бухарѣ, совмѣстно съ Бухарцами упали въ бездну глупости и нерадѣнія. Слѣдствіемъ этого было то, что свѣтлая звѣзда небесъ цивилизаціи, блестящая страница книги чловѣчества, т. е. Туркестанъ, очутился въ такомъ положеніи, о которомъ стыдно бесѣдовать не только друзьямъ, но и недругамъ. Эти люди, которые нынѣ не имѣютъ понятія объ истинныхъ наукахъ, 20 лѣтъ учатся сами, 20 слѣдующихъ лѣтъ учатъ другихъ и только послѣ этого достигаютъ должности муфтія; тутъ, считая арабскія книги трудными, они вынуждены приняться за занятія по шаріатскимъ книгамъ, написаннымъ по персидски. Вотъ они заняли уже высокое и священное положеніе въ Бухарѣ! Эта публика, рѣшивъ, что дѣла Божьи должны зависѣть отъ ея мнѣнія и цѣли, толкуетъ стихи Корана въ томъ смыслѣ, какъ ей захочется и самостоятельно сплетаетъ преданія. Такъ, въ своемъ мѣстѣ я подробно напишу о томъ, какъ сами они совершаютъ преступленія, всякаго рода притѣсненія и проступки и всегда готовы подвести подъ наказаніе несчаст-

наго простолюдина. назвавъ его за незначительную вину „кафиромъ“ (невѣрнымъ). Они дѣлають всѣ бухарскіе вакуфы, вопреки вакуфнымъ условіямъ, лакомымъ кускомъ для себя; а бѣдные жители, не имѣющіе никакого понятія о наукахъ, все, что имѣють, жертвуютъ имъ на учениковъ.

„Правящіе“. (Эмиры).

Эта возмутительная партія, исключительно благодаря помощи слѣпого счастья, достигнувъ разныхъ должностей правленія, съ полнымъ усердіемъ попираетъ ногами имущество, жизнь, достоинство, честь и покой несчастныхъ жителей. Общій составъ этихъ могущественныхъ (!) управителей пополняется изъ людей двухъ сословій, ни въ кои времена не пользовавшихся ничьимъ довѣріемъ: первое -- это необразованные сыновья правителей, во время пребыванія своего отца у власти проводившіе свою жизнь въ различнаго рода глупостяхъ и гадкихъ поступкахъ; ихъ не коснулись никакія человѣческія добродѣтели, даже они подчасъ не грамотны; второе -- это лавочники и торговцы, признающіе за единственное благо обоихъ міровъ наиплотнѣйшее наполненіе своего желудка, а ученіе чему либо считающіе совершенно излишними обязанностями для людей. Многіе изъ нихъ очень странными способами достигаютъ высокихъ административныхъ постовъ.

Всѣ эти милые люди никогда не видали школы, никогда не слышали о законахъ управленія. Они не знакомы съ правилами и обычаями отдачи приказаній! Какъ прогрессируетъ нація? Какъ управляется ихъ область? Какъ пополняется государственная казна! Все это имъ совершенно неинтересно! Какія обязанности управителя по отношенію къ населенію? Какія права у жителей передъ

правителемъ? Положительно ни о чемъ подобномъ они не слышали! Какъ только они получаютъ въ управленіе какую нибудь область, то, считая указъ Эмира объ этомъ квитанціей на адскій огонь или разрѣшительной грамотой на грабежъ, отправляются со всѣми своими подчиненными и друзьями въ ту землю, подобно войску несчастья, и берутъ у несчастныхъ жителей все, что захочетъ ихъ душа, и въ казну Эмира даютъ тоже только то, что сами пожелаютъ. И никто не спрашиваетъ у нихъ о причинахъ такого моря поборовъ и капли передачи въ эмирскую казну.

„Ж и т е л и“

Эти несчастные никакой вины не имѣютъ, они готовы ко всему; только одинъ есть недостатокъ, это — „они не знаютъ“. Теперь удобно присоединить описаніе ихъ положенія къ своей темѣ и начинать повѣтствованіе.

Выйдя изъ вагона въ Каганъ, я положилъ свой багажъ на «фаэтонъ», сѣлъ самъ и отправился въ городъ Бухару. По дорогѣ мои вещи осмотрѣли сборщики пошлины. Вскорѣ я подѣхалъ къ воротамъ города и экипажъ остановился; я спросилъ:

— Что такое?

Кто то отвѣтилъ:— „Послѣ заката солнца прошло 4 часа, поэтому ворота города заперли и никого не пускаютъ входить“.

Я сошелъ съ экипажа и увидѣлъ, что много другихъ людей, очевидно своевременно не попавшихъ въ городъ, окружили какого то человѣка и просятъ его открыть

ворота, а тотъ упорно сопротивляется. Въ это время раздался громкій крикъ: „дайте дорогу!“ Люди миршаба, отъснивъ народъ, очистили дорогу и открыли ворота города; вижу, что два — три армянина на своемъ экипажѣ въѣхали въ городъ, и ворота снова закрылись. Я подошелъ къ привратнику и сказалъ ему:

— „Братъ! Армянъ ты пропустилъ, ничего не спросивъ, почему же насъ, мусульманъ, не пропускаешь?“

Привратникъ ничего мнѣ не отвѣтивъ, ушелъ въ другую сторону. Снова послышался громкій голосъ: „Дайте дорогу!“ Отогнавъ опять народъ, открыли ворота и пропустили нѣсколько повозокъ съ жидами. Я очень былъ огорченъ этимъ обстоятельствомъ и громкимъ голосомъ произнесъ:

— О, Господи! Чѣмъ провинились послѣдователи Магомета!?

Одинъ молодой человекъ съ симпатичнымъ, интеллигентнымъ и умнымъ лицомъ, подойдя ко мнѣ сзади, отвѣтилъ:

— „Своей глупостью!....“

Въ этотъ моментъ открыли городскія ворота, и одинъ изъ тѣхъ армянъ, которые первыми проѣхали въ городъ, выйдя изъ нихъ, сталъ громко звать кого то, какъ будто человека; вдругъ откуда то прибѣжала собака и стала ласкаться къ армянину. Я догадался, что собака эта принадлежитъ армянину и осталась внѣ города: на пути хозяинъ замѣтилъ это и возвратился, чтобы впустить собаку въ городъ. Взявъ ее, армянинъ ушелъ, и ворота за нимъ снова закрыли.

Терпѣніе мое истощилось и я, оставивъ всѣхъ тамъ, ушелъ и въ великомъ сокрушеніи уснулъ въ уголкѣ какой то чай-ханы. Проснувшись рано утромъ и поднявъ голову, я увидѣлъ множество спящихъ вокругъ меня людей и догадался, что въ эту ночь никого не впустили внутрь города.

Совершивъ омовеніе и намазъ, я сѣлъ на повозку, положилъ свои вещи и сказалъ извозчику:

— Я впервые пріѣхалъ въ этотъ городъ и ничего не знаю; отвези меня въ какойнибудь караванъ-сарай.

Онъ отвѣтилъ: «Хорошо» и поѣхалъ.

Мы доѣхали до середины базара и мой экипажъ остановился: я, полагая, что мы пріѣхали къ мѣсту назначенія, взялъ свой багажъ и сталъ сходить съ повозки. Извозчикъ сказалъ: «мы еще не пріѣхали».

— Такъ почему же ты остановился?

— „Потому-что на встрѣчу тоже ѣдутъ арбы....“

Я сошелъ съ фаятона и вижу, что двѣ—три ломовыя арбы и нѣсколько фаятоновъ съѣхались въ одномъ мѣстѣ; противъ нихъ стоятъ тоже нѣсколько арбъ; дорога очень узка и трудно разѣхаться. Я спросилъ извозчика:

— „Что же нужно дѣлать?“

— Нужно подать назадъ въ какуюнибудь сторону до болѣе широкаго мѣста всѣ арбы.

— „Въ которой же сторонѣ есть широкая дорога?“

— И въ этой и въ другой сторонѣ есть.

— „Почему же стоящіе противъ насъ не осадятъ назадъ?“

— Важничаютъ!

— „Тогда Вы подвиньтесь назадъ“!

— А намъ развѣ нельзя поважничать?

— „Ну вотъ! Вы важничаете и они важничаютъ, а мы то что должны дѣлать?“

— Посидите немного.

Въ это время поднялся сильный крикъ и гвалтъ; я, сказавъ, „будь, что будетъ—надо посмотрѣть“, и оставивъ извозчика, прошелъ впередъ и вижу, что два арбакеша, которые нечаянно встрѣтились другъ съ другомъ, бранятъ одинъ другого неприличными словами. Вдругъ одинъ изъ нихъ, соскочивъ со своей арбы, бросился къ другому и началъ колотить его по головѣ; этотъ тоже спрыгнулъ съ повозки и принялся бить того по лицу и головѣ обо-

ими кулаками: всѣ прочіе извозчики и арбакеши бросились на помощь имъ съ каждой стороны. Въ одно мгновенье базаръ собрался вокругъ нихъ и поднялся крикъ: „держи, бей!“. Зрители съ каждой стороны, попадая подъ ноги сражающимся, кричали еще сильнѣе. Я спросилъ у одного человѣка, стоявшаго около меня:

— „Братъ, гдѣ люди управителя, чтобы разнять ихъ“?

Тотъ, удивленный моимъ вопросомъ, отвѣчалъ:

— Какое дѣло до этого людямъ правителя?

— „Ну, въ такомъ случаѣ, если людямъ управителя нѣтъ здѣсь дѣла, то я попробую убраться отсюда.“

Я сказалъ это, думая вернуться къ своему экипажу, сѣсть въ него и повернуть обратно, но оказалось, что зрители совершенно загородили путь; по неволѣ съ большими усиліями я взобрался на уступъ передъ лавками и сталъ ожидать результата. Послѣ весьма сильной потасовки, народъ рознялъ борцовъ, и та сторона, которая оказалась побѣжденной, стала осаживать свои повозки до перваго перекрестка, гдѣ и остановила ихъ, а мы объѣхали ихъ другой дорогой.

Наконецъ мой экипажъ остановился у одного караванъ-сарая; хозяинъ его взялъ мои вещи и внесъ ихъ въ тѣсную и темную комнату. Оставивъ тамъ свой багажъ, я вышелъ, чтобы осмотрѣть городъ. Однако я былъ въ очень затруднительномъ положеніи, потому что никого и ничего здѣсь не зналъ. Черезъ два—три дня я очень сталъ скучать и, позвавъ однажды хозяина караванъ-сарая, сказалъ ему:

— „Укажите мнѣ какоенибудь интересное мѣсто, чтобы я осмотрѣлъ его и развлекся“.

— Ступайте къ пруду Диванъ-беги.

Онъ указалъ мнѣ дорогу, и я отправился.

Придя туда, я увидалъ, что прудъ этотъ очень великъ. Вокругъ него выстроены парикмахерскія и чайханы, а по краямъ самого пруда разостланы драные ковры,

на которыхъ сидитъ народъ и пьетъ чай; я тоже сѣлъ тамъ. Восточная сторона этого пруда представляетъ изъ себя возвышенную площадь; на ней выстроена большая мечеть, въ которую собирается на молитву большинство жителей Бухары, и всѣ они совершаютъ омовеніе передъ намазомъ въ этомъ самомъ „хаузѣ“.

Нѣсколько времени я сидѣлъ на берегу пруда; вижу пришли два бухарскихъ муллы и сѣли противъ меня; замѣтивъ незнакомое мое лицо, они время отъ времени поглядывали на меня. Такъ какъ одиночество грызло мое сердце, я подумалъ: „немножко съ ними поговорю!“ и сѣвъ противъ нихъ, сказалъ привѣтствіе.

Они отвѣтили и протянули мнѣ чашку чая.

Когда я выпилъ, они спросили:

— Вы откуда?

— „Изъ Индустана.“

Затѣмъ увлекшись собственнымъ разговоромъ, они забыли обо мнѣ; однако я на этотъ разъ самъ спросилъ у одного изъ нихъ:

— „Вотъ уже нѣсколько времени я вижу, что люди, наполнивъ большіе турсуки водой изъ этого пруда, уносятъ ихъ; гдѣ то опорожнивъ, снова приходятъ. Интересно, куда они носятъ столько воды“?

— Разносятъ по домамъ жителей.

— „Для чего“?

— Для питья.

— „Развѣ Вы пьете воду изъ этого „хауза“?“

Мулла съ пренебреженіемъ спросилъ:

— Что же сдѣлалось съ этой водой?

— „Эта вода вредна для Вашего здоровья“.

— „Мы называли воду, какъ жизнь для всего“ *) говорить Коранъ. Вода полезна для здоровья людей, а не вредна!

— „Да, вода не вредна для здоровья людей; но вода этого пруда не совсѣмъ-то вода; большая часть ея—грязь.“

*) وجعلنا من الماء كل شيء حي

— Почему же большая часть этой воды грязь?

— „Посмотрите, столько людей совершаютъ въ немъ омовеніе: полощутъ ротъ, сморкаютъ носъ, моютъ свои ноги, испачканныя грязью. Если же сосчитать всевозможные отбросы изъ этихъ парикмахерскихъ, чай-ханъ и лавокъ продавцовъ бараньихъ головъ и жареной рыбы, то ежедневно въ этотъ прудъ поступаетъ приблизительно $\frac{1}{2}$ мана *) грязи“.

— Какая цѣль этого Вашего разговора? Можетъ быть Вы хотите, чтобы мы больше не пили воды изъ этого пруда?

— „Я не говорю, что не пейте этой воды. Не совершайте лишь въ ней омовенія, не сморкайте носа, не мойте грязныхъ ногъ, не выбрасывайте въ него отбросы, т. е. вода этого пруда предназначена для питья и должна быть чистой“.

Въ это время раздался звукъ „азгна“, призыва на молитву, и я, вставъ, пошелъ въ мечеть: послѣ молитвы я направился домой. На дорогѣ какой то молодой чело-вѣкъ, поровнявшись со мною, поздоровался: вижу это тотъ самый юноша, съ которымъ я встрѣтился за воротами города: я отвѣтилъ на его привѣтствіе. Онъ сказалъ:

— Я очень признателенъ Вамъ за Вашъ дебатъ съ тѣмъ муллою по поводу воды этого „хауза“.

— „Очень благодаренъ, отвѣчалъ я. Я, покорнѣйшій Вашъ слуга, въ этомъ городѣ являюсь пришельцемъ и никого не знаю; если Вамъ не будетъ затруднительно, по временамъ заходите ко мнѣ!“

— Съ превеликимъ удовольствіемъ; Вы гдѣ живете?

Я указалъ ему свою квартиру и, попрощавшись, мы разошлись.

*) Манъ=8 пудовъ.

Придя домой, я спросилъ у хозяина караванъ-сарая, гдѣ еще есть интересное мѣсто въ этомъ городѣ? Онъ отвѣчалъ:

— Завтра вторникъ, идите на мазаръ Бага-уд-Дина.

Проведя ночь въ своей комнатѣ, я поднялся рано утромъ, прочиталъ намазъ и уже хотѣлъ было выйти наружу, какъ раздался стукъ въ дверь; я сказалъ: „пожалуйста“!

Вошелъ вчерашній молодой человѣкъ вмѣстѣ съ какимъ то другимъ и сказалъ:

— Я поведу Васъ къ себѣ домой!

— „Вашъ покорный слуга, отвѣчалъ я, сегодня имѣю намѣреніе посѣтить Бага-уд-Дина; если Вы будете мнѣ сопутствовать, я буду очень признателенъ.“

— Конечно пойду; но Вамъ не стоитъ больше оставаться жить въ этомъ караванъ-сарая, мой домъ къ Вашимъ услугамъ; отдайте свои вещи моему другу, онъ ихъ доставитъ ко мнѣ домой, а сами мы отправимся къ Бага-уд-Дину.

— „Очень хорошо.“

Передавъ вещи указанному человѣку, я вмѣстѣ со своимъ новымъ другомъ сѣлъ на извозчика и отправился. Прибывъ къ мѣсту своего путешествія, мы отпустили извозчика и, пройдя еще немного пѣшкомъ, очутились на большой площади, на которой выстроена новая соборная мечеть; перейдя площадь этой мечети, мы вошли черезъ ворота въ самое мѣсто паломничества и увидели слѣдующее: обширный дворъ и въ передней части его могила Накшбанда, *) народъ по одному или по двое совершаетъ религіозное хожденіе вокругъ этой могилы. Я также обошелъ вокругъ могилы (не для религіознаго обхода, а только для того, чтобы быть освѣдомленнымъ о томъ, что тамъ происходитъ) и увидалъ, что около могилы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ собранные бараньи рога, въ другихъ повѣшены кисти изъ волосъ лошадиныхъ хвостовъ.

*) Прозвище Бага-уд-Дина.

Ходжи, взявъ за воротникъ деревенскихъ паломниковъ, и приговаривая: „иди на паломничество къ рогамъ Пира“! *) заставляютъ цѣловать эти рога и за это берутъ съ нихъ деньги. Бѣдные простолюдины. съ полной покорностью поцѣловавъ эти рога, трутъ ими себя по глазамъ! Въ это время одинъ изъ ходжей, взявъ въ руки кисть изъ лошадиного хвоста и сказавъ: „совершай паломничество!“ помазалъ ею меня по лицу. Очень разсердившись, я сильно ударилъ его по уху и прошелъ дальше. Тутъ я замѣтилъ, что каждый изъ паломниковъ, окончивъ обходъ могилы, прикасается своей головой къ древку знамени, стоящаго у мазара, третъ свои глаза этой палкой и, плача, въ продолженіи пяти минутъ не отнимаетъ головы отъ нея, какъ будто жалуясь этой сухой палкѣ на свою горькую участь и прося у нея исполненія своихъ многолѣтнихъ нуждъ.

Когда я вышелъ вонъ изъ этой мечети, то по указанію моего друга мы вошли въ чай-хану и сѣли; два или три бухарца, повидимому знакомые моего пріятеля, подойдя, сѣли около насъ. Мы стали вмѣстѣ пить чай; одинъ изъ нихъ взглянувъ на меня, сказалъ:

— Какъ Вы нашли этотъ мазаръ?

— „Мѣсто очень прекрасное и достойное уваженія изъ-за могилы святого Никшбанда. Только относительно паломничества къ этому мазару въ сердце ко мнѣ закралось важное недоумѣніе.“

— Какое недоумѣніе?

— „Это что за палка, которую подняли надъ могилой?“

— Это знамя мазара.

— „Оно осталось отъ самого Бага-уд-Дина?“

— Нѣтъ. Эта палка является указаніемъ могилы святого; время отъ времени ее замѣняютъ новой; она никакого отношенія къ Бага-уд-Дину не имѣетъ.

*) См. указатель.

— „Такъ зачѣмъ же народъ поклоняется ей и молится?“

— Поклоненія не дѣлають, а только, положивъ на нее голову, просятъ о своихъ нуждахъ.

— „А развѣ это не поклоненіе?“

— Это тоже поклоненіе, но поклоненіе не молитвенное, а просто изъ уваженія, а это не грѣшно.

— „Почему христіанъ Вы называете кафирами?“

— Потому что они идолопоклонники.

— „Они имѣютъ Священное Писаніе и послѣдователи Мессіи; они не идолопоклонники.“

— Они поклоняются одной вещи, подобно идолу.

— „Что же это такое?“

Мой собесѣдникъ, вытащивъ изъ кармана перо и бумагу, нарисовалъ изображеніе креста и сказалъ:

— Вотъ это!

— „А Вы знаете, это что изображаетъ?“

— Идола.

— „Во всемъ мірѣ нѣтъ такого дурака, который бы, считая это бездушное изображеніе Богомъ, сталъ поклоняться ему: христіане, всѣ догматы религіи которыхъ ясны и никогда и ни отъ кого не скрывались, вовсе не называютъ Богомъ этой вещи. Это изображеніе, названное Вами идоломъ, есть видъ того предмета, который, по вѣрованію христіанъ, послѣ прикосновенія къ тѣлу Пророка Іисуса, получилъ благословеніе. Поэтому общество христіанъ, сдѣлавъ изображеніе его, поклоняется ему изъ уваженія, поклоненіе ихъ тоже изъ уваженія, а вовсе не молитвенное. Невѣрные Мекки до явленія Пророка тоже были идолопоклонниками; идола называли Богомъ и поклонялись ему, даже думали, что тѣ идолы въ день Страшнаго Суда окажутъ имъ заступничество и стихъ Корана „они—заступники за насъ у Бога“ *) есть доказательство этого. Развѣ возможно такое положеніе, что Вы считаете другихъ „кафирами“, невѣрными, за идолопоклонство и поклоненіе кресту, а сами,

*) (هؤلاء شفعاتنا عند الله)

поклоняясь палкѣ флага на мазарахъ, просите Бага-уд-Дина о своихъ нуждахъ и себя считаете мусульманами

„Боюсь, что не попадешь ты въ Каабу, о арабъ.

„Такъ какъ дорога, по которой ты ѣдешь, идетъ въ Туркестанъ.“ *)

Совершать поклоненіе или изъ уваженія, или молитвенное—безразлично—въ нашемъ шаріатѣ недозволено ни кому, кромѣ Бога. Я Вамъ немножко расскажу также изъ исторіи ислама:

Въ то время, когда пророкъ очутился въ стѣсненномъ положеніи изъ-за жестокости меккскихъ кафировъ, онъ приказалъ своимъ „асхабамъ“, послѣдователямъ, бѣжать въ Абиссинію; восемьдесятъ два мужчины и двадцать одна женщина, исполняя приказаніе, прибыли въ городъ абиссинцевъ. Наджаши (эфіопскій царь), получивъ извѣстіе объ ихъ прибытіи, потребовалъ къ себѣ исламскихъ бѣглецовъ; когда они предстали передъ царемъ, то не поклонились ему. Придворные были очень поражены этимъ и сказали имъ: „Нашъ обычай такой, что мы съ уваженіемъ кланяемся своему царю; почему же Вы не поклонились нашему государю“? Джафаръ-ибнъ-Абу-Талебъ, братъ Али, бывшій среди нихъ, отвѣтилъ: „Мы кромѣ Священной Особы Господа никому другому не поклоняемся; нашъ Пророкъ запретилъ намъ кланяться другимъ и приказалъ не кланяться никому, кромѣ Бога“. Наджаши остался очень доволенъ отвѣтомъ Джафара и сказалъ: „Клянусь Богомъ, что лучшіе люди на мой взглядъ тѣ, которые не имѣютъ позволенія кланяться кому либо другому кромѣ Бога“.....

— Вы относительно Бага-уд-Дина выказываете непочтительность! замѣтилъ мой оппонентъ.

— „Боже сохрани! Я никогда не былъ и не буду непочтительнымъ по отношенію къ святымъ! Я не говорю, что святой Бага-уд-Динъ былъ плохой человѣкъ, и чтобы никто не приходилъ посѣтить мазаръ его. Пророкъ

*) Саади, Гулистанъ.

сказалъ: „совершите паломничество къ могиламъ, потому что посѣщеніе мошадъ напоминаетъ Вамъ о томъ мірѣ“. *) Да, если паломничество къ мазарамъ предпринимается съ цѣлью вспомнить о смерти и Страшномъ Судѣ, то это доброе дѣло, но разговоръ мой идетъ о томъ, что нельзя это уподоблять идолопоклонству. Посудите сами: на мазарѣ Бага-уд-Дина читаютъ молитву, поклоняются древку знамени этой могилы, просятъ Бага-уд-Дина о своихъ нуждахъ; сегодня во всей Бухарѣ нѣтъ ни одного человѣка, который не произносилъ бы каждое мгновенье вмѣсто „о, Боже!“ „О, Бага-уд-Динъ!“ . Ничто изъ вышеуказаннаго не согласно съ мусульманскимъ шаріатомъ. Посмотрите, что изрекъ Пророкъ: „поразитъ Всевышній Богъ евреевъ: они сдѣлали могилы Пророковъ своихъ мѣстомъ молитвы“ **) Мы любимъ пророка Бага-уд-Дина, почитаемъ его, совершаемъ паломничество, но не слѣдуетъ, чтобы эта наша любовь, почтеніе и паломничество, выйдя изъ границъ шаріата, сдѣлали бы насъ какъ бы поклонниками Бага-уд-Дина!.....“

Въ это время какой то человѣкъ, остановившись прямо на дорогѣ, противъ чай-ханы, гдѣ мы сидѣли, и читая высокимъ голосомъ съ непріятными жестами стихи, привлекъ на себя внимательные взгляды народа.

Я спросилъ у своего пріятеля:

— „Это кто такой?“

— Это рассказчикъ; говорятъ также и проповѣдникъ.

— „Да ну?! Проповѣдники — люди очень хорошіе; они призываютъ мусульманъ на путь истины! Необходимо слушать ихъ рѣчи!...“

Мой другъ, разсмѣявшись сказалъ:

— Если такъ, то послушайте!

*) زوروا القبور فانها تذكركم الآخرة ,, *

***) قاتل الله اليهود اتخذوا قبور انبيائهم مساجد ,, **)

Разсказчикъ смѣшнымъ голосомъ началъ свою повѣсть.

Но что это была за повѣсть!!... Самъ онъ своими движеніями занятнѣе обезьяны!! Слѣдовъ этого разсказа ни въ одной порядочной книгѣ нельзя встрѣтить! Пустой, совершенно лишенный смысла, ложный, вызывающій хохотъ!.. Напримѣръ, онъ говорилъ: „Пророкъ Али однимъ крикомъ своимъ приводилъ въ трепетъ шестнадцать фарсанговъ земли... Взявъ за поясъ „заблудившагося съ невымытымъ лицомъ“, бросилъ къ небу такъ, что онъ совершенно скрылся изъ глазъ народа; черезъ нѣсколько времени явился, кувыркаясь въ воздухѣ; затѣмъ опять протянувъ руку, взялъ его за поясъ и, повернувъ вокругъ головы, ударилъ о землю такъ, что тотъ сдѣлался мягкимъ какъ сюрма“.....

Простодушный народъ, слушая эти разглагольствованія и представляя передъ своими глазами пророка Али, выказывалъ разсказчику одобреніе и поощреніе своими довольными улыбками.

Вдругъ разсказчикъ, прервавъ разсказъ наполовинѣ, (подобно деревянному козлу нищихъ, струнному инструменту персидскому), вскочилъ и началъ прыгать. Онъ такъ прыгалъ и скакалъ, билъ въ ладони, кричалъ, ударялъ себя въ грудь, бросалъ на землю свою чалму, что я сказалъ:

— „Навѣрно онъ сошелъ съ ума“!..

Другъ мой отвѣчалъ:—Денегъ просить!

— „Теперь, когда еще не кончилъ разсказъ“?!

— Да... Если же онъ будетъ просить денегъ, окончивъ разсказъ, никто ему не дастъ; поэтому, остановившись на интересномъ мѣстѣ, онъ и просить денегъ.

Я выказалъ желаніе уходить; пріятель мой тоже всталъ. Остатокъ дня мы провели въ прогулкѣ по окрестностямъ, а ночь въ домѣ одного изъ ходжи. Рано утромъ мы вышли съ намѣреніемъ отправиться въ городъ. Дошли до остановки экипажей; изъ середины чайныхъ

лавокъ, которыя расположены съ правой стороны дороги, до нашихъ ушей донеслись разные голоса; я спросилъ у спутника:

— Что тамъ такое“?

— Пѣвцы читаютъ стихи.

— „Посмотримъ“!

— Не стоитъ того, чтобы смотрѣть!

— „Все равно! Не хорошо пройти, не посмотрѣвъ“.

Сказавъ это, я пошелъ въ ту сторону; другъ мой поневолѣ послѣдовалъ за мной. Сдѣлавъ пять-шесть шаговъ, я подошелъ къ этимъ лавкамъ. Что же я увидѣлъ!!

О, горе мнѣ! По сосѣдству съ этимъ благословеннымъ раемъ открыта дверь въ геенну проклятiя! Рядомъ съ этимъ священнымъ мазаромъ поселились гнусные отбросы изъ племени Лота!... Посреди чайныхъ лавокъ сидитъ народъ, образовавъ кружки по 5 или 10 человекъ; посреди каждаго кружка находится небольшой мальчикъ; ребенокъ съ невинными движенiями тѣла, присущими его возрасту, читаетъ два-три стиха изъ-заученныхъ имъ наизусть. Присутствующiе, окруживъ его съ сатанинскимъ видомъ, бросаютъ на него взгляды, подобные фонтану похоти. Отъ этого гнуснаго и богомерзкаго зрѣлища дрожь охватила всѣ мои члены; я съ головы до ногъ закипѣлъ гнѣвомъ и внѣ себя началъ говорить:

— „О, Мухаммадъ! Если возможно встань! Встань! Посмотри, о, распространяющiй правила образованiя, на поступки этихъ дикихъ людей! Встань! О, исправляющiй людей! Дай средство для исправленiя этихъ или же, подобно племени Лота, скрой ихъ подъ землю! Не допусти, чтобы существованiе этихъ безстыжихъ замарало бы значенiе Корана.“

Мой спутникъ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Пойдемъ!

Я покорно пошелъ за нимъ; сѣвъ на фаэтонъ, мы прiѣхали къ моему другу. Сильно уставъ за цѣлый день, я хорошо проспалъ эту ночь. Рано утромъ мой прiятель

разбудилъ меня; совершивъ намазъ, мы сѣли завтракать; онъ спросилъ меня:

— Сегодня Вы куда намѣрены отправиться?

— „Если у Васъ есть свободное время, то проводите меня въ медресе.“

Онъ согласился; мы, одѣвшись, вышли и черезъ нѣсколько времени пришли въ какую то очень большую медресе; я попросилъ своего спутника рассказать мнѣ о ней.

— Эта медресе называется „Медресе Кукальташъ“; въ ней есть 140 комнатъ для студентовъ, залъ для лекцій, библіотека, мечеть, а также и общая кухня; въ годъ она имѣетъ 150,000 тенегъ вакуфа; изъ этой суммы „тысячу“ тенегъ даютъ на библіотеку, 24,000 беретъ себѣ мударисъ, а остальную сумму дѣлятъ между собою имамъ, суфіи, дворникъ, водоносъ, парикмахеръ и хозяева комнатъ.

Выйдя изъ этой медресе, мы отправились въ другую, находящуюся какъ разъ напротивъ; пріятель сказалъ:

— Эта медресе называется „Медресе Диванъ-беги“; она имѣетъ 75 комнатъ и, какъ „Медресе Кукальташъ“, общую кухню, мечеть и залъ для лекцій; въ годъ получаетъ 150,000 тенегъ вакуфа, изъ которыхъ 24,000 беретъ мударисъ, а остальное дѣлится между другими. Я остался очень доволенъ этими словами моего пріятеля и сказалъ съ ироніей:

— „Слава Богу! Такимъ способомъ Бухара вполне сохранила свою честь!“

Мой другъ, на котораго слова мои произвели впечатлѣніе, опечалился; онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто бы я трогалъ еще незажившую рану на его груди, и только говорилъ:—Увы!!..... Да!.... и едва сдерживалъ себя, чтобы не заплакать. Я же снова съ довольнымъ видомъ продолжалъ:

— „Справедливо, что считаютъ за честь и счастье для всей области имѣть такія большія медресе и столь обильные вакуфы. Мои наилучшія пожеланія Бухарѣ и

бухарцамъ, а также и студентамъ, которые прїѣзжаютъ учиться въ Бухару!“

Мой спутникъ снова разстроился моими словами и, чтобы скрыть это отъ меня, взялъ меня за руку и сказалъ:—Пойдемъ!

Выйдя оттуда, мы въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ ходили по базару; лавки въ этомъ городѣ все еще строятся по старому образцу; лишь на нѣкоторыхъ улицахъ выстроено нѣсколько магазиновъ на западный манеръ. Торговля этой страны, хотя и не процвѣтаетъ такъ, какъ въ цивилизованныхъ государствахъ, однако до сего времени еще не ушла изъ рукъ туземцевъ. Если бы жители Бухары приложили бы немного старанія къ ея улучшенію, то могли бы стать очень богатыми.

Странныхъ обычаевъ здѣсь въ сравненіи съ Персіей очень мало. Одно лишь есть—это безбородые мальчики, уваженіе и почитаніе которыхъ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Стоитъ только на какой нибудь улицѣ показаться мальчику, какъ вокругъ него получается барьеръ изъ согнутыхъ спинъ, пока онъ не освободится отъ этого и не пройдетъ дальше; тогда же вслѣдъ ему несутся, возгласы восхищенія, сопровождаемые „Ахъ“!! „Уффъ“! и другими безстыдными словами. Сколь неподходящи эти поступки для потомковъ Бу-али и Фараби!!! Спутникъ мой провелъ меня черезъ это мѣсто постыднаго соревнованія и проводилъ въ нѣкоторыя другія медресе. Приблизился закатъ солнца, и мы возвратились домой, чтобы отдохнуть послѣ вечерняго намаза. Двое изъ друзей моего спутника пришли тоже, навѣрно для того, чтобы посмотреть меня. Послѣ того какъ насъ познакомили, мы вступили въ бесѣду, которая между прочимъ коснулась медресе; я сказалъ своему пріятелю:

— „Благодаря Вашей любезности сегодня я осмотрѣлъ нѣкоторыя медресе; очень Вамъ признателенъ за это“.

— Конечно, доставить Вамъ удовольствіе была моя

обязанность; если Вы пожелаете, завтра я опять покажу Вамъ другія медресе.

— „Благодарю Васъ; конечно я надѣюсь на Васъ; но мнѣ не нужно видѣть всѣ медресе Бухары, завтра пойдемъ въ другое мѣсто. Если же сегодня вечеромъ Вы дадите мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о медресе, я буду очень Вамъ благодаренъ“.

Мой другъ изъявилъ свое согласіе, поставилъ чашку съ чаемъ на землю и началъ такъ:

— Въ Бухарѣ есть около 200 медресе и всѣ онѣ раздѣляются на три категоріи: высшія, среднія и низшія.

Высшія медресе.

Названіе медресе:	Ежегодные вакуфы.	
	Тенегъ.	Рублей.
Букальташъ	150000	22500
Джафаръ-Ходжа	250000	37500
Джуйбаръ	130000	19500
Миръ-Арабъ	150000	22500
Мухаммадъ-Али Ходжи	150000	22500
Турсунъ-джанъ	140000	21000
Диванъ-Беги	150000	22500
Гау-Бушанъ	190000	28500
Абдуль-Азизъ-ханъ (двѣ медресе)	120000	18500
Мирза-Улугъ-бекъ	60000	9000
Гуль-абадъ	80000	12000
Ходжа-парса	50000	7500
Ибрагимъ-Ахундъ	40000	6000
Фатхъ-Улла Кушъ-беги	80000	12000
Биби Халифа	50000	7500
Халифа-Ніазъ-Куль	55000	8250

	Тенегъ.	Рублей.
Мулла Мухаммадъ Шарифъ	60000	9000
Гарибійя	40000	6000
Хіабанъ	60000	9000
Джуйбарча	60000	9000
Абдулла-ханъ	50000	7500
Модаръ-ханъ	40000	6000
Асири	40000	6000
Ходжа-Нагаль	50000	7500
Шадамъ-бай	40000	6000
Даръ-ушшифа	40000	6000
Чарбикръ	70000	10500
Бадалъ-бекъ	40000	6000
Ходжа-Даулять	120000	18500
Мескинъ	60000	9000
Дамулла Ширъ	40000	6000
Дустъ Чагра Акасы	40000	6000
Накибъ	120000	18500
В С Е Г О .	2815000	422250

Среднія медресе.

	Тенегъ.	Рублей.
Хизръ	25000	3750
Афганъ	15000	2250
Рахманъ-кулъ	30000	4500
Уткуръ Кушъ-беги	25000	3750

	Генегъ.	Рублей.
Хусайнъ-бай	30000	4500
Алимъ-джанъ	20000	3000
Атоликъ	25000	3750
Исмаилъ-ходжа	30000	4500
Мадеръ-ханъ (малая)	30000	4500
Рашидъ	25000	3750
Газіанъ	25000	3750
Грибанъ-чакъ	30000	4500
Чучукъ-айимъ	25000	3750
Шарафатъ бану	30000	4500
Накибъ (малая)	25000	3750
Чубинъ-калянъ (большая)	30000	4500
Баляи-хаузъ	30000	4500
Миръ-джанъ-али	30000	4500
Аскарби	30000	4500
Садрби	25000	3750
Бадалъ-бекъ вугна (старая)	25000	3750
Хафизъ-Кангаратъ	35000	5250
Искандаръ-ханъ	35000	5250
Чаръ-бакали	22000	3300
Саръ-тарашъ	30000	4500
Мирза-Фазилъ	25000	3750
Тунчи-баши	20000	3000
Сеидъ-Бамаль	22000	3300
Абдулъ-Шукуръ-бай	20000	3000
Карбасъ	24000	3600

	Тенегъ.	Рублей.
Чукуръ	30000	4500
Казн-Латифъ	18000	2700
Бадръ-уд-Динъ	16000	2400
Пашманъ	22000	3300
Иръ-Назаръ	35000	5250
Дамулла Хасанъ	15000	2250
Ишанп-пиръ	16000	2400
Миръ Камаль	14000	2100
Джура-бекъ	12000	1800
В С Е Г О .	961000	144150

Низшихъ медресе болѣе ста; вакуфы ихъ колеблются отъ одной до пяти тысячъ тенегъ, въ среднемъ же общее количество ихъ вакуфа равно 500000 тенегъ. Начальныхъ школъ въ Бухарѣ имѣется болѣе 300 и сверхъ всего этого одиннадцать слѣдующихъ большихъ библиотекъ:

Названіе библиотекъ.	Годовой вакуфъ.	
	Тенегъ.	Рублей.
Джафаръ ходжа	18000	2700
Гау-Кушанъ	5000	750
Ходжа-Нигаль	8000	1200
Кукальташъ	1000	150
Абдуль-Азизъ-ханъ	2000	300
Мирза Улугъ-бекъ	800	120
Бадаль-бекъ	800	120
Даръ-ушифа	3000	450
Базари-гусфандъ	1500	225
Баляи хаузъ	1600	240
Джуйбаръ	1400	210
В С Е Г О .	43100	6465

Въ нашей Бухарѣ есть 20 большихъ кухмистерскихъ, которыя получаютъ ежегодные вакуфы отъ 10 до 40 тысячъ тенегъ, и 20 малыхъ, получающихъ вакуфы отъ 4 до 9 тысячъ; пять или шесть школъ для чтенія Корана, 40 домовъ для омовенія, и каждое изъ этихъ учрежденій получаетъ очень значительный вакуфъ.

Здѣсь мой пріятель внезапно замолчалъ. Я, будучи очень доволенъ этими всѣми данными, поднялъ голову, собираясь похвалить Бухару и бухарцевъ, но когда взглянулъ на его лицо, рѣшилъ промолчать, такъ какъ увидалъ, что онъ страшно разсерженъ, и кровь отъ гнѣва прилила къ его лицу, а глаза мечутъ огонь.

Послѣ продолжительнаго молчанія, тяжело вздохнувъ, другъ мой продолжалъ:

— Вотъ она, священная Бухара, воспитавшая 400000 ученыхъ людей и разославшая ихъ во всѣ концы міра. Раньше она была владычицей такихъ могучихъ научныхъ силъ..... Теперь,—увы!!... Къ великому несчастью я сознаюсь, что это небо солнца образованности, этотъ рай міра человечества, этотъ благоустроенный домъ наукъ міра, эта аудиторія познаній для всего свѣта при наличности всѣхъ вышеуказанныхъ путей для прогресса, стала странной окруженной горами глупости и закованной въ цѣпи презрѣнія! Этотъ посредникъ жизни всего востока при существованіи всѣхъ этихъ средствъ къ дальнѣйшей жизни, допустилъ смерть схватить себя за шиворотъ! Что же удивительнаго?! Всѣ эти обитатели благъ и постоянныя огромныя суммы денегъ сдѣлались презрѣнными домами нѣсколькихъ незнающихъ Бога узурпаторовъ и привели въ кипѣніе котелъ подлости и испорченности небольшого общества обжоръ? Наши отцы прекрасно поняли смыслъ великаго изреченія *“развѣ равны между собою знающіе и незнающіе?”* *) и, вполне оцѣнивъ степень важности изученія наукъ, устроили двѣсти медресе и въ каждой изъ нихъ отъ 10 до 150 комнатъ; принявъ во вниманіе еже-

*) *هل یمتوی الذین یعلمون والذین لا یملمون* “

дневный расходъ учителей и учениковъ, они назначили имъ ежегодный вакуфъ болѣе чѣмъ въ 4000000 тенегъ; этимъ они не ограничились и для необходимаго студентамъ чтенія учредили 11 библиотекъ, собравъ въ нихъ всѣ существовавшія въ то время книги. Понимая, что знанія и науки изо дня въ день прогрессируютъ, они и библиотекамъ дали опредѣленный вакуфъ для приобрѣтенія вновь выходящихъ книгъ и журналовъ въ размѣрѣ 40000 тенегъ. Признавая важность науки чтенія Корана, они, не довольствуясь одними медресе, учредили особыя школы съ опредѣленнымъ вакуфомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это наши предки сдѣлали для насъ. А мы?.... Мы, дорогія ихъ дѣти, при наличіи всѣхъ этихъ полезныхъ учрежденій, несчастны, необразованы, дики и бѣдны!... Медресе, другія школы, библиотеки—все у насъ есть; но во всемъ своемъ городѣ мы не имѣемъ ни одного серьезно-образованнаго человѣка, который могъ бы безъ ошибки прочесть и разъяснить намъ не только страницу толкованія Корана или Хадиса, но даже два—три простыхъ арабскихъ стиха!!! О, Господи!! столько позора и безчестія одному благородному племени!!!.....

Рыданія овладѣли моимъ другомъ и, чтобы скрыть ихъ отъ меня, онъ замолчалъ, а черезъ нѣсколько времени продолжалъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ:

— Да, мы имѣемъ 200 медресе и имъ всѣмъ назначено болѣе 4000000 вакуфа, который дѣлится на двѣ части: первая часть подъ именемъ платы за обученіе попадаетъ въ карманъ усердія учащихъ; вторая часть дѣлится по комнатамъ, и эта часть безусловно должна считаться неотъемлемой собственностью бѣдныхъ студентовъ; къ несчастью всѣ комнаты въ этихъ медресе считаются принадлежащими муфтіямъ, мударисамъ и другимъ власть имѣющимъ лицамъ изъ улемовъ; на этомъ основаніи они же поглощаютъ и весь годичный вакуфъ этихъ комнатъ, спеціально назначенный для студентовъ, а комнаты эти даже продаютъ за внушительныя суммы отъ 10 до 40

тысячъ тенегъ. Единственное доброе дѣло ихъ—это то, что они даютъ помѣщеніе бѣднымъ студентамъ, не взимая съ нихъ платы; но и это не для того, чтобы получить награду на небесахъ, а исключительно съ цѣлью соблюденія собственныхъ выгодъ; во первыхъ: студенты, живущіе въ ихъ помѣщеніяхъ, должны служить имъ подобно носильщикамъ тяжестей; во вторыхъ: не взирая на ученость или глупость хозяина помѣщенія, нужно читать за него лекцію, такъ какъ эти господа, сославшись на то, что имѣютъ уроки на сторонѣ, часто уходятъ и дѣлаются мударисами кромѣ этой еще и въ другой, большей медресе; въ третьихъ: сами эти студенты-бѣдняки изъ опасенія, чтобы господинъ наставникъ не передалъ бы занимаемое помѣщеніе другимъ лицамъ, даютъ ему больше денегъ, уплачиваемыхъ обыкновенно въ началѣ учебнаго года за принятіе въ число студентовъ, и еще подносятъ кое-что въ видѣ подарковъ.

Да! У насъ есть и библіотеки! Но гдѣ же книги?! Всѣ книги изъ этихъ библіотекъ взяли для чтенія эти же ученые и присвоили ихъ; опустѣвшія же ихъ помѣщенія, имѣющія свой ежегодный вакуфъ, отдаютъ какомунибудь сыну казія или муфтія, который еще не удостоенъ званія мудариса, т. е. не имѣетъ образованія. Этотъ почтенный господинъ обращаетъ въ свою пользу годовой доходъ этой библіотеки, а самое помѣщеніе сдаетъ какомунибудь бѣдному студенту на слѣдующихъ условіяхъ: во первыхъ, студентъ обязанъ постоянно давать урокъ этому необразованному субъекту, чтобы въ концѣ-концовъ было признано за нимъ умѣнье читать лекціи и его назначили бы мударисомъ и, во вторыхъ,—служить ему круглыя сутки.

У насъ есть по крайней мѣрѣ 300 начальныхъ школъ, но всѣ онѣ стали бесполезными учрежденіями въ рукахъ необразованныхъ учителей. О, Господи! Сколь удивительна эта страна! Нынѣ умные люди всего свѣта для уничтоженія воровства, невѣжества, дурныхъ поступковъ и бѣд-

ности учреждаютъ школы и, когда въ ихъ городѣ открывается школа, то они въ великой гордости готовы до неба добросить шапки радости. Мы же имѣемъ болѣе трехъ сотъ начальныхъ школъ, а наши ребятишки въ школахъ этихъ учатся лишь воровать, безобразничать и нищенствовать.....

Имѣемъ спеціальныя школы для обученія чтенію Корана; но во всей Бухарѣ нѣтъ ни одного человѣка, который не произносилъ бы священнаго слова „Аллахъ“ или „Авахъ“ или „Аблахъ“.

Наконецъ, это общество ученыхъ, которое захватило въ свои руки всѣ пути къ нашему благоденствію и повергло въ пламя несчастья благополучіе нашего существованія, какія можетъ дать намъ знанія? А вотъ какія: *изъ области законовѣдѣнія*: всякій кто во время омовенія высморкается пальцами своей лѣвой руки или будетъ мыть ноги не съ правой стороны, будетъ въ продолженіи семидесяти тысячъ лѣтъ горѣть въ аду; всякій кто, хотя бы одинъ разъ, не сдѣлаетъ привѣтствія комунибудь изъ улемовъ, будетъ кафиромъ; всякій кто пройдетъ, хотя одинъ разъ по той улицѣ, которой когданибудь коснулась нога улема, безъ счета его грѣховъ и безъ мученій будетъ пропущенъ въ рай....

изъ области вѣрованій: на четвертомъ небѣ есть нѣкій ангелъ, у котораго семьдесятъ тысячъ головъ, у каждой головы семьдесятъ тысячъ ртовъ, въ каждомъ рту семьдесятъ тысячъ языковъ и каждый языкъ можетъ говорить на семидесяти тысячахъ нарѣчій!...

О, не знающій Бога!! ты, проживая постоянно въ Бухарѣ, ничего не знаешь о Самаркандѣ; какъ же ты можешь рассказывать чтонибудь о четвертомъ небѣ?!!

Увы!! Гдѣ мусульманская вѣра?! Гдѣ эти прекрасныя рѣчи?!!..... Гдѣ деревня и гдѣ деревья?!!..

О, бѣдный народъ! Всѣ твои законныя права отняты; ты тоже теперь приверженецъ узурпаторовъ! Кровь твою сосутъ, имущество твое пустили по вѣтру, подъ фунда-

ментъ чести твоей и репутаціи подложили огонь, а ты не знаешь этого! Не только не знаешь и не понимаешь, но даже то общество знающихъ людей, которые, правильно понявъ свою задачу, весьма ревностно принялись за улучшение твоего положенія, желая изъ тѣхъ грандіозныхъ зданій и огромныхъ суммъ, которыя оставили твои предки для охраны твоей репутаціи, вновь извлекать пользу для тебя самого, — ты ихъ называешь кафирами!! Горе, горе!!.....

Онъ поднялъ чашку чая, которую въ началѣ разговора поставилъ на полъ, выпилъ ее и погрузился въ глубокое и продолжительное молчаніе. Я понялъ, что пришла моя очередь поддерживать бесѣду; рѣшивъ, что во всякомъ случаѣ нужно хоть немного утѣшить бѣднягу, я началъ:

— „Дѣйствительно положеніе Бухары и бухарцевъ достойно сожалѣнія, и богомерзкія дѣйствія вашихъ улемовъ служатъ причиной духовнаго небытія этой націи; но, дорогой братъ! не нужно огорчаться, такъ какъ не одни только ваши ученые таковы; вѣдь улемы всего мусульманскаго міра въ продолженіи послѣднихъ трехсотъ лѣтъ совершаютъ такого же рода преступленія. До вчерашняго дня большинство ученыхъ турокъ, татаръ, индусовъ и персовъ, подобно вашимъ, пили кровь своего угнетеннаго народа. Только тѣ націи, раньше васъ вникнувъ въ положеніе дѣла и поскорѣе приложивъ стараніе къ ниспроверженію ихъ пьедестала, въ теченіе непродолжительнаго времени отдѣливъ дѣйствительно истинно-ученыхъ отъ мулль-поклонниковъ собственнаго брюха, возложили первымъ на голову корону, а вторыхъ попрали ногами.....

Законъ Божій таковъ: пока какой нибудь народъ согласуетъ всѣ свои дѣла и поступки съ велѣніями Господа, всю жизнь свою будетъ проводить счастливо, благородно, спокойно и въ довольствѣ; священный стихъ Корана

„воистинну, землю наследуютъ благочестивые рабы Божии“ *)
 есть указаніе на это. Но, какъ только охваченные созна-
 ніемъ своего покоя и счастья, они направятъ свои стопы
 въ долину гордости и высокомерія и сойдутъ съ пути
 истины и справедливости, тотчасъ же честь ихъ замѣнит-
 ся безчестіемъ, покой—затрудненіями, а величіе—уни-
 женіемъ. Стихъ Корана „воистинну Богъ ничего не измѣняетъ
 у людей, но сами они измѣняютъ“ **) есть доказательство
 этого. Когда же народъ этотъ, потерявшій свой путь,
 изнемогая подъ тяжестью невзгодъ и бѣдности, откроетъ
 глаза отъ сна безпечности и приложитъ всѣ свои заботы
 и старанія къ тому, чтобы снова собрать вмѣстѣ все,
 нужное для благоденствія, Всевышній Богъ ниспошлетъ
 имъ лекарство отъ ихъ болѣзни и возвратитъ всѣ ут-
 раченныя ими милости. Нужно благодарить Бога, если
 теперь являются добродѣтельные, усердные и серьезные
 юноши, подобно вамъ и вашимъ единомышленникамъ.
 Это обстоятельство служитъ важнымъ доказательствомъ
 пробужденія бухарцевъ. Справедливо условіемъ прогресса
 каждой націи считаютъ науку; вы же не имѣете науки,
 но я съ увѣренностью могу сказать, что въ настоящее
 время у васъ въ городѣ все, что служитъ для обученія,
 стоитъ на высокой ступени. Такъ, для того, чтобы не-
 образованный народъ сталъ ученымъ, нужны три вещи:
 деньги, школы и стараніе съ трудомъ; слава Богу нынѣ
 у васъ въ Бухарѣ медресе существуютъ, деньги тоже есть,
 такъ какъ всѣ эти вакуфы установлены для нуждъ обуче-
 нія; стараніе и трудъ также есть, потому что населеніе
 Бухары имѣетъ большую склонность къ изученію наукъ
 и всегда старается въ этомъ. Одно лишь плохо, что спо-
 собъ расходованія вашихъ денегъ неправиленъ и вакуфы
 вашихъ медресе не устроены. Реорганизація того и другого
 очень проста; я положительно могу утверждать, что спра-

*) „ان الارض يرثها عبادى الصالحين“

**) „ان الله لا يغير ما بقوم حتى يغيروا ما بانفسهم“

ведливый Эмиръ, обладающій свѣтлымъ разумомъ, и его визирь, боящійся Бога и благовоспитанный, могутъ прекрасно реорганизовать все это. Въ самомъ дѣлѣ, вы должны благодарить Бога, потому что, какъ только какой нибудь справедливый Эмиръ и его свѣдущій визирь возьмутся за преобразование вашихъ медресе, въ тотъ же самый день вы увидите открытыми въ Бухарѣ пятьдесятъ высшихъ школъ, сто пятьдесятъ подготовительныхъ и триста шестьдесятъ начальныхъ”.

Другъ мой, ядовито усмѣхнувшись, сказалъ:

— Насколько Вы придерживаетесь хорошаго мнѣнія относительно этого народа, настолько я—дурного; сколько питаете Вы надеждъ на него, настолько я не жду отъ него ничего; это—народъ, который, въ то время какъ у него отняли всѣ права, считаетъ достоинствомъ класть свою голову подъ ноги похитителямъ; нація, которая, упавъ внизъ головою въ темный колодезь невѣжества и небытія, называетъ своихъ избавителей кафирами; какая же можетъ быть на него надежда и какіе хорошіе результаты можетъ онъ дать?

— „Молчите! Что Вы говорите? Ей Богу, гораздо больше будетъ ущербъ для народа отъ этого Вашего разочарованія въ немъ, чѣмъ отъ тѣхъ насилій, которыя въ теченіе двухсотъ лѣтъ учиняются лицами, захватившими въ свои руки всѣ права. Для Васъ нѣтъ другого средства, какъ твердость и стойкость; нація, которая, въ настоящее время кромѣ постоянства и непоколебимости ничего не имѣетъ, впоследствии что-нибудь да будетъ имѣть, а нація, обладающая чѣмъ угодно, кромѣ вышеуказанныхъ двухъ качествъ, потеряетъ и то, что имѣетъ; одна только непреклонность можетъ реорганизовать цѣлый большой народъ; для реорганизаторовъ нѣтъ лучшаго вспомогательнаго средства, какъ надежность народа. Неустойчивость же и колебаніе есть смертельный ядъ, который, попавъ на волю народа, вызоветъ дымъ уничтоженія его..... Этотъ мой разговоръ очень Васъ разстраи-

ваетъ, лучше будетъ, если мы выберемъ другую тему для разговора..... Братъ! Этотъ міръ, въ которомъ живемъ мы, очень старъ и имѣетъ за собою много вѣковъ, и каждый вѣкъ имѣетъ свой оттѣнокъ. Вотъ на примѣръ Европа, все новымъ и новымъ изобрѣтеніямъ и талантамъ которой мы теперь удивляемся. Прежде, въ началѣ среднихъ вѣковъ, она была въ положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ наше теперешнее положеніе: народъ былъ необразованъ и угнетенъ, правители и духовенство—тираны; каждый изъ высшихъ духовныхъ лицъ становился владѣтелемъ большого количества земли, поднималъ особый флагъ и чеканилъ монету; нѣкоторые изъ нихъ забирали въ свою собственность землю цѣлой страны; правительственные чиновники не могли приходить къ нимъ для сбора податей, равно какъ и не смѣли явиться на ихъ землю для того, чтобы взять какогонибудь бѣжавшаго преступника или убійцу; согласіе свое на прощеніе грѣховъ преступниковъ продавали за деньги или за куски земли. Если же ктонибудь причинялъ кому либо изъ духовныхъ лицъ чтонибудь дурное или оскорблялъ,—его отлучали отъ церкви и объявляли: „согласно власти, данной намъ высшими лицами, мы отлучаемъ отъ церкви этого человѣка; послѣ этого необходимо, чтобы по всѣмъ городамъ, полямъ и домамъ его проклинали и чтобы ни одинъ христіанинъ съ нимъ не разговаривалъ, не вкушалъ пищи и никто изъ монаховъ не молился за него“... Такъ, они ничего не оставляли безъ вниманія своего и даже на дѣла правленія накладывали свою руку; короли и императоры того времени считали себя бѣдными и униженными дѣтями церкви; никто изъ государей не осмѣливался выйти изъ повиновенія папамъ; если же кто либо изъ королей предпринималъ чтонибудь безъ согласія папы, тотчасъ же его отлучали отъ церкви. Такимъ образомъ одинъ изъ папъ, по имени Григорій VII, отлучилъ отъ церкви Генриха IV-го, правителя германскаго, исключительно за то, что тотъ начиналъ свои дѣла безъ согласія папы; этимъ

онъ очень унижилъ и обезчестилъ этого несчастнаго; кончилось тѣмъ, что вышеупомянутый государь въ зимнее время въ теченіе трехъ дней съ обнаженной головой и босыми ногами сидѣлъ у дверей папы, выражая свое сокрушеніе и раскаяніе. Тотъ отпустилъ ему его грѣхъ (въ 1077 г.). Внѣ сомнѣнія, что эти дикіе поступки, безстыдные и безбожные, противные всѣмъ законамъ Божескимъ и человѣческимъ, не могутъ остаться на долгое время; конечно когда нибудь милость Божія, стараніе и рѣшимость человѣческія, взволновавшись подобно морю, подмоютъ ихъ основаніе и фундаментъ. Такимъ же образомъ не долго существовали и подобныя дѣла вышеупомянутыхъ папъ; въ началѣ X-го вѣка въ нѣкоторыхъ пунктахъ Европы стали образовываться рѣдкія оппозиціонныя папамъ общества; они въ XII-мъ вѣкѣ, распространяясь и развѣтвляясь повсюду, начали походъ противъ своего духовенства. Эти протестантскія общества, переведя Евангеліе на народный языкъ, побуждали населеніе читать его, всѣ же дѣйствія, противныя Евангелію, они осуждали.

Члены этихъ обществъ говорили: „если наше духовенство составляютъ люди истинно ученые и намѣстники Мессіи, то зачѣмъ же они собираютъ вокругъ себя столько имущества мірскаго? Истинно духовные люди и намѣстники Христа не должны быть столь сребролюбивыми, а обязаны довольствоваться глоткомъ воды и кускомъ хлѣба; не должны, указывая намъ оставить міръ, сами прикарманивать наше имущество подъ именемъ дара или посвященной вещи или же платы за отпущеніе грѣховъ. Мы тоже рабы Божіи; если у насъ случится какой нибудь грѣхъ, нужно принести покаяніе передъ престолъ Божій и просить прощеніе за него тоже предъ престоломъ Господа. Почему же мы должны, принеся свои грѣхи къ Богу, просить прощеніе у папы и за отпущеніе грѣха платить деньги этимъ почтеннымъ господамъ?!“

Эти протестантскія общества въ скоромъ времени завоевали себѣ расположеніе и получили прекрасные ре-

зультаты отъ своей дѣятельности: во многихъ пунктахъ Европы они привлекли на свою сторону и духовныхъ лицъ. Причинами этихъ успѣховъ и побѣдъ было то, что, во первыхъ, они все свои догматы писали на безъискусственномъ и ясномъ языкѣ и показывали народу; во вторыхъ, не признавали папъ, пока не были принуждаемы силой къ этому или не заставляла сдѣлать это необходимость, а наоборотъ, всегда и во всѣхъ случаяхъ разъясняли народу грѣхи папъ.

Еще одно обстоятельство помогло этому обществу „сопротивляющихся“, — это „война народовъ Креста“. Впервые эта война поднялась въ 1090 году и возобновлялась нѣсколько разъ до 1492 года. Европа вела эти войны съ мусульманами, чтобы отнять „Святую землю“. Европейцы, соприкасаясь съ мусульманами во время этихъ войнъ, получили большую пользу, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ духовномъ.

Карль Сеніубусъ, одинъ изъ профессоровъ французскаго университета, такъ говоритъ объ этомъ:

„Въ одиннадцатомъ вѣкѣ Европа и мусульманскій міръ были совершенно противоположны одна другому: города Европы маленькіе и жалкіе, деревни ея, состоящія изъ лачугъ, совершенно разрушены; никто не могъ проѣхать десяти фарсанговъ пути изъ боязни быть убитымъ въ дорогѣ; мусульманскій же міръ былъ обладателемъ такихъ цвѣтущихъ городовъ, какъ въ Багдадѣ, Сиріи, Египтѣ и Испаніи, мраморныхъ дворцовъ, усовершенствованныхъ фабрикъ, школъ, знаменитыхъ медресе и богатыхъ базаровъ; его степи показывали зрителю шагъ за шагомъ новые города, пажити — собранный урожай; отъ крайней Испаніи до границъ Туркестана постоянно двигались торговые караваны; европейцы, прославляя культуру мусульманъ отъ чистаго сердца, пріѣзжали къ нимъ въ города для пріобрѣтенія научныхъ знаній и получали ихъ. Европейцы двинулись впередъ по пути прогресса, благодаря соприкосновенію съ мусульманами.

Вотъ то, что заимствовали европейцы отъ мусульманъ:

1) изъ области земледѣлія: зеленую пшеницу, шафранъ, тутовое дерево, рисъ, финиковую пальму, лимонъ, вату, кофе и сахарный тростникъ,

2) изъ предметовъ роскоши: тонкія сирійскія матеріи, парчу, стекло, зеркала, бумагу и разныя сладости,

3) изъ области науки и знаній: алгебру, цифры, тригонометрію, химію и способъ счисленія.

Мусульмане, собравъ науки и знанія отъ грековъ, персовъ, индійцевъ и китайцевъ и прибавивъ къ этому многое отъ себя, въ концѣ-концовъ все это передали европейцамъ“.

Таково мнѣніе одного великаго французскаго профессора объ успѣхахъ Ислама! Теперь обратите вниманіе на то, что европейцы по ихъ собственному взгляду и мнѣнію начала прогресса заимствовали у мусульманъ; къ великому же нашему несчастью, если мы сдѣлаемъ хоть одно движеніе, чтобы возвратить обратно потерянную нашу культуру и цивилизацію, наши улемы тотчасъ скажутъ: „ты сталъ кафиромъ“, и начнутъ намъ мѣшать.

Возвращаюсь къ своей темѣ: какъ я уже имѣлъ честь доложить, войны народовъ Креста оказали большую поддержку противникамъ стараго режима и сдѣлали большую часть населенія ихъ единомышленниками.

Послѣ того какъ европейцы увидали удивительную культуру и цивилизацію жителей мусульманскихъ странъ, они сразу были очарованы ими и въ видѣ протеста стали поступать въ багдадскія, египетскія и испанскія медресе, изучать науки подъ руководствомъ мусульманскихъ мудрисовъ, совершенно не обращая вниманія на запрещенія папъ. Папы же, какъ только увидали, что жители Европы, отправляясь въ мусульманскіе города и изучая тамъ науки, становятся единомышленниками ихъ противниковъ, а папскія слова считаютъ пустыми и безсмысленными, по неволѣ должны были ради устрашенія ихъ ввести нѣ-

которыя новыя постановленія: всякаго, кто выскажетъ папамъ противорѣчіе или будетъ отрицать ихъ превосходство, кто будетъ обучаться въ мусульманскихъ городахъ, кто, даже если по неосторожности, въ пятницу одѣнетъ новое платье,—немедленно приказывали считать невѣрнымъ, били, заключали въ тюрьму, убивали, жгли на огнѣ. Но въ концѣ-концовъ папы были совершенно побѣждены и передали бразды правленія своимъ противникамъ”.

Тѣ два гостя, которые пришли чтобы увидать меня подтвердили мои слова; затѣмъ еще около часа мы бесѣдовали на другія темы, а затѣмъ гости попросили разрѣшенія удалиться; проводивъ гостей, мы легли на остальную часть ночи спать.

На другой день мой пріятель повелъ меня посмотреть солдатъ... Положеніе солдатъ въ Бухарѣ возбуждаетъ сильное удивленіе: въ цивилизованныхъ государствахъ срокъ военной службы два или три года, а въ Бухарѣ военная служба не священная обязанность, а наказаніе за преступленіе; бухарскіе солдаты находятся въ полномъ презрѣніи, неуваженіи и униженіи; срокъ ихъ службы пожизненный; вора и убійцу въ этой странѣ вмѣсто того чтобы арестовать, изгнать или казнить, сдаютъ въ солдаты и, назначивъ ему на всю жизнь ежемѣсячное жалованіе въ размѣрѣ 20 тенегъ, заботятся о немъ; а этотъ господинъ, послѣ того какъ станетъ солдатомъ, воруетъ еще больше. Это по двумъ причинамъ: во первыхъ, онъ до поступленія въ солдаты половину каждыхъ сутокъ работалъ за плату по пять тенегъ въ день; такимъ образомъ онъ могъ заработать въ мѣсяцъ сто пятьдесятъ тенегъ и свободное время провести пріятно; послѣ же того, какъ онъ попалъ на военную службу, сталъ получать всего 20 тенегъ въ мѣсяцъ и не имѣетъ возможности заняться другой работой; во вторыхъ, для того человѣка, который прежде не воровалъ, и боялся военной службы, послѣ того какъ самъ онъ сдѣлается солдатомъ, не будетъ ни

кого лучше вора. Кромѣ вышеуказаннаго способа набора солдатъ, есть еще одинъ, худшій, чѣмъ первый: какой нибудь офицеръ или юзъ-баши, пожелавъ стянуть съ кого либо деньги, призываетъ къ себѣ этого несчастнаго и говоритъ ему: „ты старый солдатъ и когда то бѣжалъ со службы Эмира, а теперъ попался мнѣ: необходимо тебя снова взять въ солдаты“. Тотъ бѣднякъ говоритъ, что я во всю свою жизнь не служилъ на военной службѣ и не умѣю даже стрѣлять изъ „мултука“. Офицеръ возражаетъ: „ты поступаешь незаконно; я знаю, что ты старый солдатъ, а то, что ты не умѣешь стрѣлять изъ „мултука“ ровно ничего не значитъ, такъ какъ и всѣ остальные солдаты мои тоже не умѣютъ“. Бѣднякъ сколько ни кричитъ, что „не лгите, я никогда не былъ солдатомъ, Вы теперъ и имени то моего не знаете, а откуда узнали, что я былъ солдатомъ“—все напрасно: онъ долженъ или согласиться идти въ солдаты или дать 3000 тенегъ господину офицеру въ видѣ подарка, и такимъ образомъ освободить свой воротъ.

Посмотрѣвъ на солдатъ, мы отправились осматривать улицы и базаръ. Послѣ второго намаза, (т. е. послѣ полудня) спутникъ мой сказалъ:

— Сегодня ко мнѣ долженъ придти одинъ изъ бухарскихъ мударисовъ; намъ нужно поскорѣе возвратиться домой.

Погоулявъ еще немного, мы возвратились домой и до слѣдующаго намаза сидѣли, ожидая мудариса. Вскорѣ послѣ намаза господинъ мударисъ съ полной торжественностью изволили прибыть; другъ мой вышелъ его встрѣтить до дверей дома; мударисъ вошелъ въ домъ и, пройдя на переднее мѣсто, сѣлъ и прочиталъ „фатиху“ *). Хозяинъ обратился къ нему съ привѣтствіемъ „добро пожаловать“ и спросилъ, какъ онъ поживаетъ?.

Тотъ отвѣтилъ, а затѣмъ, взглянувъ на меня, сказалъ:

*) Первая глава Корана.

— Этотъ человекъ откуда?

Другъ мой отвѣчалъ:

— „Этотъ человекъ изъ индійскихъ мусульманъ; сюда прибылъ ради путешествія, и я пригласилъ его къ себѣ въ гости.“

Мударисъ отвѣтилъ ему: „очень хорошо“, и, обращаясь на этотъ разъ прямо ко мнѣ, спросилъ:

— Вы изъ какого именно мѣста Индустана?

— „Изъ Дели“.

— Въ Дели какъ поставлено образованіе?

— „Хорошо. Жители Дели имѣютъ большую склонность къ ученью“.

— Есть ли у васъ такіе хорошіе мударисы какъ въ Бухарѣ?

— „Я не знаю бухарскихъ мударисовъ, также ничего не знаю относительно ихъ; въ Дели же есть мударисы очень ученые“.

— Въ Бухарѣ есть также очень много великихъ ученыхъ.

— „Конечно необходимо, чтобы въ Бухарѣ были ученые очень образованные, такъ какъ всѣ мусульмане считаютъ этотъ городъ центромъ науки“.

— Вы тоже получили образованіе?

— „Немного изучалъ арабскую этимологию и синтаксисъ“.

— Сколько же именно Вы изучали?

— „Настолько изучилъ, что могу говорить по арабски.“

— Такъ Вы можете говорить по арабски?!

— „Насколько это бываетъ нужно,—могу“.

Въ это время хозяинъ дома принесъ угощеніе для мудариса; онъ же, исключительно для того, чтобы испытать меня, сказалъ по арабски:

— Ъшь! *)

*) ك

Я взялъ кусокъ хлѣба и съѣлъ; мударись, засмѣявшись, сказалъ:

— Вы сказали, что умѣете говорить по арабски?

— „Да, умѣю“.

— Такъ почему же, когда я сказалъ Вамъ по арабски, Вы ничего не сказали?

— „Вы сказали мнѣ „ѣшь“! я взялъ хлѣбъ и съѣлъ, говорить же ничего не нужно было, потому-что.....“

— Ха-ха-ха! Это одна изъ дурныхъ привычекъ людей! Когда человекъ немного попутешествуетъ, увидитъ два—три города, то начинаетъ такъ врать, что вызываетъ смѣхъ у другихъ. Господинъ ученый! Разговаривать по арабски дѣло очень не легкое! Мы, отбросивъ спокойствіе въ сторону, въ продолженіи двадцати лѣтъ прилагаемъ усилія; а затѣмъ во всю свою жизнь не сказавъ ни кому ни одного слова по арабски, уходимъ изъ этого міра; Вы же, слегка изучивъ арабскую грамматику, хотите говорить по арабски!

— „Господинъ мударись! Если бы Вы, въ продолженіе тысячи лѣтъ прилагая всѣ старанія, все-таки не изучили арабскаго языка—это не важно; но я въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ изучилъ его лучше, чѣмъ Вы“!

— Неправду говорите!

— „Если я и говорилъ когда нибудь неправду, то столько бесполезной лжи никогда не говорилъ. Если же Вы не вѣрите моимъ словамъ, то вотъ я Вамъ скажу и по арабски:

«Кайфа ахвалу сайиди-на; ля'алляма макрунатуни би-камьяль-иль-афіяти ва тамам ус-салямати; сайиди кунту атужу мунзу изманни аташаррафу би-хазрати-джанаби-кум иль-муаввалю аляйхи филь-мухаммати-валь-мустазау бинай-ирати райихи. фи даидж аль-муламмати; ва лякин аль-машашлю таманна-ани аниль истифазати биль 'макам аль-лязи астадиму ярау.....»

(Какъ здоровье нашего господина? Надѣюсь, что оно въ совершенномъ благополучіи и въ полномъ благоден-

ствіи. Господинъ мой! Съ нѣкоторыхъ поръ у меня явилось желаніе отправиться къ Вамъ, чтобы найти облегченіе отъ своихъ заботъ и просвѣтленіе изъ тьмы несчастій отъ Вашего свѣтлаго разума; но дѣла не позволили мнѣ получить это удовольствіе въ той степени, какъ я желалъ бы.....)

— Пойдите, пойдите!!

— „*Лима та'амуруни биттавакуфи?*“

(Почему Вы приказываете мнѣ остановиться)“?

— Теперь я вижу, что Вы знаете по арабски.

— „*Аруджу мин инаятикум ал-алияти ан тасмауши са'атан ваидатан!*“

(Прошу Вашей высокой милости послушать меня еще немножко)“!

— Да будетъ проклята могила отца того человѣка, который послѣ этого спроситъ Васъ что нибудь объ арабскомъ языкѣ! Что это за безстыдство!! Я тоже учился!... Я тоже знаю арабскій языкъ!! Я говорю: подождите немного, потомъ опять скажите по арабски!...

— „Что желаете“?

— То самое, что Вы говорили уже по арабски, повторите еще разъ.

— „*Кайфа ахвалу сайиди-на? ма'алляа макрунатун-би-камьяль-иль афіяти ва тамам ус-салямати....*“

— Стойте, стойте!

— „Что опять случилось“?

— Братъ! Такое количество арабскихъ фразъ понять сразу очень трудно; говорите понемножку, чтобы я могъ разобраться.

— „Очень хорошо! Разбирайтесь“!

Мударисъ сталъ разбирать сказанное мною слѣдующимъ образомъ:

— „*Кайфа ахвалу сайиди-на*“.... „*ахвалу сайиди-на*“ „*ахвалу*“ подлежащее, „*сайиди*“ опредѣленіе къ слову „*ахвалу*“, „*на*“ опредѣленіе къ слову „*сайиди*“; все значитъ: „какъ

здоровье нашего господина“..... „*Ля алляма макрунатуни би-камаль-иль афйати ва тамам ус-самамати*“; „алиф-лямъ“ членъ опредѣленный въ словахъ „*аль афйати*“ и „*ас-саматъ*“. Членъ опредѣленный бываетъ четырехъ видовъ: родовой, общій, указательный и опредѣлительный; онъ не указательный и не опредѣлительный; если былъ-бы общій, то слова „*камаль*“ и „*темам*“ излишни, значить этотъ членъ будетъ родовой.

Разобравъ до сихъ поръ, онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Теперь говорите дальше!

— *Сайиди, кунту атуку мунзу азманин аташаррафу би-хазрати джана.....*“

— Стойте, стойте!!

— „Нѣтъ Вы постойте, я окончу свою фразу: „*хазрати джанаби-кум иль муаввалю аляйхи филь-мухиммати*“. Теперь переводите ее.“

— „*Сайиди кунту атуку*“..... Это „*атуку*“ что значить? Какой смыслъ имѣетъ? Глаголь?.... Имя?..... Тутъ онъ посмотрѣлъ на хозяина дома и сказалъ:

— Братъ мой! У Васъ есть книга „*Гіясъ-уль-лугатъ*“?

— „Да, есть; но третьяго дня у меня ее взялъ сосѣдъ и еще не принесъ.“

— Если Вамъ не трудно будетъ, сходите и принесите ее.

— „Господинъ мударисъ, сказалъ я,— что Вы желаете? Мы каждую ночь успѣваемъ переговорить о многомъ, а въ эту ночь Вы, безъ всякой видимой пользы, и насъ и себя совершенно утомили“.

— Отчего Вы устали? Давайте переведемъ сказанное Вами, будемъ бесѣдовать!

— „Пропади совсѣмъ этотъ переводъ! Будь проклята эта бесѣда! Я сказалъ Вамъ какихъ нибудь двадцать арабскихъ словъ; чтобы понять десять изъ нихъ, Вы убили два часа времени. Теперь хотите, чтобы этотъ бѣдняга

притащилъ Вамъ отъ сосѣда „Гіясъ уль-лугатъ“. чтобы найти значеніе слова „штукъ“. Довольно, прекратимъ этотъ разговоръ! Если же Вы желаете, давайте говорить по персидски, иначе Вы меня совсѣмъ замучите“.

— Хорошо, будемъ говорить по персидски. Вы осматривали бухарскія медресе?

— „Да. Въ Бухарѣ есть много прекрасныхъ медресе, но какая въ нихъ польза, если улемы извлекаютъ выгоды изъ нихъ путями беззаконія“.

— Какимъ образомъ?!

— „Вотъ какимъ: ваши отцы устроили эти медресе и назначили вакуфы спеціально для бѣдныхъ студентовъ: теперь же каждый изъ власть имѣющихъ и богатыхъ ученыхъ, присвоивъ себѣ нѣкоторыя изъ этихъ комнатъ, забираютъ въ свой карманъ и вакуфы ихъ, а неимушіе студенты, настоящіе то хозяева ихъ, питаюсь сухимъ хлѣбомъ и холодной водой, учатся, пріютившись гдѣ нибудь въ углу мечети. Эти дѣла бухарскихъ ученыхъ очень далеки отъ богобоязненныхъ.“

— Охъ! Эта печаль и Васъ коснулась! Но это все глупости; до сего времени никто ничего подобнаго не видѣлъ; нѣсколько глупыхъ людей напѣли въ уши народу про это. На самомъ же дѣлѣ студенты учатся въ своихъ комнатахъ, а до вакуфовъ имъ нѣтъ никакого дѣла!

— „Ваши разсужденія прекрасны! Несчастные студенты сидятъ въ презрѣніи и униженіи по угламъ мечетей, довольствуясь сухимъ хлѣбомъ и водой; а вы забрались въ ихъ комнаты, расходуете принадлежащіе имъ вакуфы на вкусный пловъ и шашлыкъ и, если кто нибудь узнаетъ объ этихъ вашихъ фокусахъ, то вы говорите: „студенты учатся въ своихъ комнатахъ, а до вакуфовъ имъ нѣтъ никакого дѣла!“ „Браво“!

— Собственно говоря, какая цѣль этого вашего разговора?

— „Цѣль моя та, чтобы доказать, что комнаты въ

медресе принадлежатъ только студентамъ, и ваша торговля ими незаконна“.

— Э! не считайте насъ такими глупыми! Мы тоже знаемъ, что незаконно торговать комнатами въ медресе.

— „Такъ зачѣмъ же вы присвоили себѣ эти комнаты? Зачѣмъ постоянно стремитесь продать ихъ другому лицу? Почему вакуфы ихъ не отдаете студентамъ?“

— Мы никогда не продаемъ и не покупаемъ вакуфныхъ комнатъ.

— „Такъ эти комнаты, которыя вы продаете за десять, двадцать, сорокъ тысячъ тенегъ, чьимъ отцамъ принадлежатъ?“

— Мы не продаемъ комнаты, а только ихъ лѣстницы и лоханки.

— „Прекрасно! Разумно! Хвала вашей догадливости! Это ваше заявленіе не имѣетъ никакого значенія съ точки зрѣнія закона. Вы говорите, что продаете только лѣстницы и лоханки, такъ и заставляете писать въ документахъ казія; на самомъ же дѣлѣ продаете комнаты, т. е. то, что заставляете писать въ официальныхъ документахъ есть ложь, чему есть нѣсколько доказательствъ: во первыхъ, въ какой уголокъ земли вы не пойдите, цѣна на лѣстницы и лохани нигдѣ не превыситъ двадцати тенегъ; во вторыхъ, вы, прежде чѣмъ заключить условіе, осматриваете комнату, если понравится, приказываете писать договоръ и затѣмъ, возвратясь къ себѣ домой, не скажете, что я сегодня купилъ лѣстницу и лохань, а прямо заявите, что купили комнату. Каждое изъ этихъ двухъ положеній доказываетъ, что вы въ дѣйствительности торгуете вакуфными „худжрами“; на этомъ основаніи тѣ хитрости, которыя вы употребляете въ законномъ договорѣ, не пригодны ни къ чему, такъ какъ мусульманскій шаріатъ считается съ намѣреніемъ *) и не признаетъ различныхъ объясненій.

— Мы употребляемъ законныя хитрости.

*) نیت—нѣтъ, см. указатель.

— „Да, ваши дѣла—дѣла хитрости и обмана, но все не законныя“.

— Хитрость тоже законна.

— „Молчите! Нашъ шаріатъ не признаетъ уловокъ и увертокъ въ дѣлахъ подобнаго рода, считается только съ „намѣреніемъ“. Я не слѣпой какъ, вы, и слѣпо не говорю; вотъ Коранъ и вотъ Хадисъ: „Вы хоть обнаруживайте свои намѣренія, хоть скры вайте ихъ, Всевышній Богъ по смыслу этихъ намѣреній сдѣлаетъ вамъ расчетъ и возмездіе“ *) или «не накажетъ васъ Господь за тѣ слова, которыя сошли съ вашего языка, а накажетъ васъ согласно тому, какія у васъ были попытки и намѣренія». **) Священный Хадисъ тоже говоритъ: „дѣла безъ намѣренія не достойны уваженія“ ***) и это вамъ нужно слушать. Вотъ эти стихи Корана и Хадиса уяснили намъ скрытое ваше желаніе. Но такъ какъ вы, бухарскіе улемы, не уважаете мусульманскій шаріатъ, то я вамъ приведу простое разсужденіе: вы изволили сказать, что мы де не продаемъ самыя комнаты, а только лѣстницы и лоханки; на это я возражу вамъ, что въ такомъ случаѣ я не предъявляю къ вамъ никакой претензіи, но только вы всѣ комнаты и вакуфы, которые есть неотъемлимая собственность бѣдныхъ студентовъ, передайте имъ, а свои лѣстницы и лоханки уберите оттуда совершенно“.

— Превосходно!! Вы, милостивый государь, придя, не знаю, изъ какого то угла Божьяго міра, даете наставленія бухарскимъ улемамъ! Дай Богъ! „Намѣреніе“ ваше благое. Но я тоже дамъ вамъ одно наставленіе: вы, чужестранецъ, не ввязывайтесь въ эти бесполезныя для васъ дѣла; бухарскіе ученые сами знаютъ лучше васъ свои дѣла..... Пора спать; принесите мнѣ фонарь и я пойду.

*) *وإن تبدوا ما في أنفسكم أو تخفوه يحاسبكم به الله* *

**) *ولا يؤاخذكم الله باللغو في أيمانكم ولكن يؤاخذكم بما كسبت قلوبكم* **)

***) *وإنما الأعمال بالنيات* ***)

Хозяинъ дома принесъ фонарь; мударись, взявъ его и съ гнѣвомъ сказавъ „Богъ—прибѣжище“ *) ушелъ. Мы легли спать.

На слѣдующій день я поднялся рано утромъ. Это былъ канунъ мѣсяца Рамазана. Весь народъ былъ занятъ уборкой своихъ лавокъ; всякій готовился къ Рамазану: одинъ думалъ о томъ, въ какую мечеть идти на чтеніе Корана, другой—о томъ, съ какой мечети взять примѣръ въ этомъ чтеніи. Улицы и базары представляли веселый видъ. Весь народъ отъ одной только мысли, что наступающей мѣсяцъ есть мѣсяцъ молитвы, выказывалъ большую радость.

Въ первую ночь при звукахъ литавръ съ крыши цитадели Эмира возвѣстили народу о наступленіи Рамазана. Жители этого города считаютъ Рамазанъ большимъ праздникомъ; лавки до полудня не открываютъ; послѣ же полудня торгуютъ только до намаза „аср“; послѣ этого, совершивъ омовеніе, идутъ къ хаузу Диванъ-беги, читаютъ тамъ молитву и расходятся по домамъ разговляться. Разговѣвшись, всѣ возвращаются въ свои лавки и сидятъ тамъ до полуночи. Всю ночь по обѣимъ сторонамъ улицъ горятъ лампы и свѣчи, и народъ толпами весело ходитъ туда и сюда. Среди всякихъ развлеченій не мало есть и отвратительныхъ: самое гнусное и постыднѣйшее—это увлеченіе безбородыми мальчиками. Днемъ около хауза Диванъ-беги, по ночамъ на улицахъ и базарахъ толпы молодежи, окруживъ какогонибудь мальчика, устраиваютъ страшную суматоху; иногда нѣсколько молодыхъ людей, среди которыхъ нѣтъ мальчика, встрѣтившись съ первыми, тотчасъ же бросаются на нихъ, какъ голодные волки на барана; происходитъ великая потасовка, въ результатъ которой осилившая сторона тащитъ съ собою и мальчика. Удивительнѣе всего то, что бухарскіе ученые не только не запрещаютъ своимъ ученикамъ заниматься такимъ постыднымъ времяпрепровожденіемъ, но даже сами

*) Равносильно нашему «прощайте».

ведутъ себя также. Я могу смѣло сказать, что въ настоящее время каждый изъ мударисовъ и муфтіевъ бухарскихъ находится въ любовной связи съ однимъ изъ своихъ хорошенькихъ учениковъ, а нѣкоторые изъ ихъ числа, болѣе высокопоставленные, не стыдятся никого, держать предметъ своей страсти у себя въ домѣ. Вотъ дѣла, которыми занимаются бухарскіе улемы, получая деньги мусульманскаго народа!

Весь мѣсяцъ Рамазанъ я провелъ въ разныхъ дѣлахъ. На второй день праздника я захворалъ, у меня сдѣлался сильный жаръ, и я попросилъ своего друга пригласить для меня доктора. Онъ позвалъ одного изъ бухарскихъ докторовъ. Этотъ, пощупавъ мой пульсъ, сказалъ:

— Принесите ко мнѣ въ лавку какуюнибудь бутылку; я пришлю вамъ немного микстуры изъ душистой ивы, корня эндивія и сѣмянъ базилика. Вы принимайте ее по два раза въ день и, Богъ дастъ, поправитесь.

— „Господинъ докторъ, какая у меня болѣзнь“?

— Не бойтесь, никакой опасности нѣтъ, скоро поправитесь.

— „Это прекрасно, я не боюсь, только мнѣ очень хочется узнать, чѣмъ именно я захворалъ“?

— Вы сильно разгоряченный сняли съ себя платье, васъ охватило холодомъ и вы простудились.

Я, удивившись такому отвѣту доктора, сказалъ:

— „Братецъ мой! во первыхъ, я не простужался, во вторыхъ, лекарство отъ простуды вовсе не микстура изъ душистой ивы и сѣмянъ базилика и, въ третьихъ, это снадобье давали больнымъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ давнихъ поръ и до нашего времени медицина очень подвинулась впередъ, и знающіе доктора нашли новыя и полезныя средства. Вы же хотите меня теперь заставить пить настойку душистой ивы и сѣмянъ базилика“.

Докторъ, обидившись на мои слова, возразилъ:

— Вы ровно ничего не понимаете въ медицинѣ. Какъ вы можете знать, что ваша болѣзнь не простуда?

Почему вы говорите, что микстура изъ душистой ивы и сѣмянъ базилика не помогаетъ отъ простуды? А то, что вы сказали, будто-бы эту микстуру давали двѣсти лѣтъ тому назадъ, а теперъ найдены новыя лекарства,— слова, которыхъ не скажетъ и дуракъ!!.....

— „Да, того, что сказалъ я, дуракъ не скажетъ, но то, что говорите вы, можетъ говорить только дуракъ! Вы хотите отрицать, что науки медицинскія прогрессируютъ! Прекрасное „намѣреніе“!! Что за бѣда, что такое отрицаніе нелѣпо!... Теперъ не только медицина, но и всѣ другія науки движутся впередъ и впредъ будутъ двигаться“.

— Меня отъ вашихъ словъ просто смѣхъ беретъ! Откуда вы взяли, что медицина идетъ впередъ? Эта прогрессирующая медицина, которую вы такъ восхваляете, въ какомъ мірѣ находится?

— „Не удивляйтесь, человѣческія качества способны развиваться и идутъ впередъ. Сто лѣтъ тому назадъ развѣ были въ вашемъ государствѣ желѣзныя дороги и телеграфъ? Пойдемъ дальше: вотъ эти спички сто лѣтъ тому назадъ видалъ ли хоть одинъ бухарецъ? Въ тѣ времена чалмы ваши были изъ маты и рубашки изъ домотканной матеріи; теперъ вы дожили до прекрасной тонкой кисеи и разноцвѣтныхъ тканей; все это примѣръ того, о чемъ я рассказывалъ. Подобно тому, какъ все подвинулось впередъ и стало лучше, чѣмъ раньше, такъ и наука врачеванія значительно усовершенствовалась. Вы говорите, „гдѣ же это улучшение и прогрессъ медицины?“ Да повсюду, и всѣ съ этимъ согласны, только вы не видите, потому что не желаете видѣть! Даже въ Бухарѣ есть; вотъ, примѣромъ усовершенствованной медицины могутъ служить больницы, которыя есть у васъ“.

Докторъ, смущенный моими словами, замолчалъ. Я повернулъ разговоръ на другую тему и спросилъ:

— „Вы гдѣ обучались медицинѣ?“

— Въ самой Бухарѣ.

— „У какого доктора?“

— Я не учился ни у кого; самъ читалъ въ свободное время медицинскія книги и въ концѣ-концовъ сталъ докторомъ.

— „Братъ мой! Извините меня, но вы не съумѣете дать лекарство отъ моей болѣзни!“

Докторъ ушелъ, я же попросилъ хозяина дома пригласить ко мнѣ другого доктора, получше. Онъ привелъ другого. Этотъ, войдя съ очень важнымъ видомъ и потрогавъ мой пульсъ, заявилъ:

— Вы немножко испугались; я вамъ пришлю нѣсколько пилюль слабительнаго; вы ихъ скушайте, а послѣ этого заставьте прочитать надъ собой заговоръ.

Смѣхъ сталъ душить меня, но я, не подавъ вида, сказалъ:

— „Господинъ докторъ! у меня одна дурная привычка есть: пока докторъ не объяснитъ мнѣ мою болѣзнь и не укажетъ мнѣ какъ дѣйствуютъ его лекарства, до тѣхъ поръ я не буду принимать ничего. Надѣюсь, что вы не откажете сказать мнѣ, какимъ образомъ вы узнали, что я испугался?“

— У васъ жаръ.

— „Какую же пользу принесутъ заболѣвшему отъ испуга слабительныя пилюли?“

— Поносъ уменьшитъ жаръ.

— „Вы прекрасно разъяснили мою болѣзнь и лекарство отъ нея назначили хорошее. Но у меня очень скверный характеръ и пока я не узнаю, въ какой именно медресе учился пользующій меня докторъ и отъ какого учителя получилъ дипломъ, ни за что не буду принимать лекарство“.

— Ха-ха-ха! Успокойтесь! я не изъ числа какихъ нибудь докторовъ, которыхъ всюду много; я старшій докторъ въ Бухарѣ, докторъ самого Эмира, и медресе „Дарушшифа“ находится въ моемъ вѣдѣніи; въ годъ я получаю 12,000 тенегъ изъ народныхъ денегъ.

— „Поразительно!... Откуда же вы получаете такіа деньги“?

— Изъ медресе „Дар-ушшифа“.

— „А гдѣ вы изволили изучать медицину“?

— Здѣсь, въ самой Бухарѣ.

— „Въ какой медресе“?

— Въ Бухарѣ нѣтъ медресе, въ которой изучаютъ медицину.

— „Ну, у какого доктора вы учились“?

— Я ни у кого не училъ медицины.

— „Такъ какимъ же образомъ вы сдѣлались докторомъ“?

— По милости Божьей мой отецъ былъ великимъ докторомъ; всѣ его книги достались по наслѣдству мнѣ; читая ихъ постепенно, я и сталъ докторомъ.

— „Развѣ возможно, чтобы человѣкъ сдѣлался врачомъ, только благодаря однимъ медицинскимъ книгамъ“?

— Конечно! Если внимательно изучить медицинскія книги, то вовсе не трудно стать докторомъ!

— „Вы ошибаетесь, безъ обученія въ школѣ нельзя быть докторомъ. Въ цивилизованныхъ странахъ сначала десять лѣтъ учатся въ общей школѣ, гдѣ изучаютъ различныя науки; усвоивъ ихъ, поступаютъ въ спеціально медицинскую школу, учатся тамъ пять лѣтъ и тогда только становятся докторами. Вы же говорите: „читая въ свободное время оставшіяся отъ отца книги, я сдѣлался докторомъ!!“. Это совершенно невозможно! Я это вамъ покажу на одномъ ясномъ примѣрѣ; положимъ я вамъ скажу вотъ что: ступайте по такой-то большой дорогѣ, потомъ сверните на такую-то другую и пройдите столько-то шаговъ; тамъ сидитъ одинъ человѣкъ, високаго роста, съ большой темной бородой, по имени Зейдъ; его именномъ вы приведите ко мнѣ. Вы, съ большимъ опасеніемъ потерять дорогу, отправляетесь туда, куда я сказалъ, по указаннымъ примѣтамъ узнаете этого человѣка, однако, вы не сможете привести его ко мнѣ на основаніи того

только, что видѣли, вамъ необходимо спросить, какъ его зовутъ, Зейдъ-ли? и, если онъ отвѣтитъ, что да, я Зейдъ, то вы приведете его ко мнѣ, а если отвѣтитъ, что онъ не Зейдъ, то вы пойдете дальше и будете искать Зейда и по всей вѣроятности, пока не найдете именно Зейда, въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ будете спрашивать такимъ-же образомъ. Вотъ и медицинская наука подобна этому: медицинская книга скажетъ вамъ, что въ такомъ то мѣстѣ челоуѣка, такимъ то образомъ появляется болѣзнь; имя ея вотъ такое; средство противъ нея вотъ этакое. Только на основаніи изученія этихъ данныхъ никто не можетъ стать врачомъ, и ученіе въ медицинской школѣ не такое: тамъ учитель сегодня читаетъ эти вопросы, а на другой день показываетъ на практикѣ, то есть, показавъ вамъ эту болѣзнь, объясняетъ, что эта та самая, о которой я говорилъ вамъ вчера; лекарство противъ нея вотъ это, а примѣняется оно вотъ такъ. Вы всѣ эти болѣзни увидите своими глазами и въ другой разъ не встанете въ тупикъ*.

Докторъ, выслушавъ мою рѣчь, сказалъ:

— Очень хорошо! Но я не изъ такихъ докторовъ, о которыхъ вы говорите...

— „А я тоже не изъ тѣхъ больныхъ, о которыхъ вы могли бы рассказать“.

Докторъ очень разстроенный вышелъ; я тоже огорченный неудачей, сказалъ хозяину дома:

— „Приведите мнѣ пожалуйста русскаго доктора“.

Онъ отправился и привелъ. Этотъ докторъ былъ челоуѣкъ очень свѣдущій, опредѣлилъ мою болѣзнь и прописалъ хорошее лекарство; сказавъ, что зайдетъ справиться обо мнѣ черезъ два дня, онъ ушелъ. Прописанное имъ лекарство принесли, и я сталъ принимать его. Черезъ два дня боли прекратились, силы возстановились, и я почувствовалъ голодъ, но другъ мой не далъ мнѣ ѣсть, сказавъ, что сегодня долженъ придти докторъ и надо спросить у него, позволить ли онъ ѣсть и что именно;

я подчинился и сталъ ожидать. Черезъ нѣсколько времени пришелъ докторъ и, увидавъ мое состояніе, обрадовался и сказалъ:

— Вотъ вы уже совсѣмъ поправились!

— „Слава Богу, отвѣчалъ я. Я очень былъ опечаленъ, увидя бухарскихъ докторовъ: вѣдь это прямо несчастье, что въ такомъ большемъ городѣ нѣтъ ни одного свѣдущаго доктора! Но послѣ того, какъ увидалъ васъ, я сильно обрадовался. Богъ дастъ вы окажете большія услуги жителямъ Бухары въ ихъ леченіи“.

— Да, меня сюда и пригласили для этой цѣли... Но какая польза отъ моего пребыванія здѣсь, если въ Бухарѣ много такихъ людей, которые ни за что не пройдутъ по той улицѣ, гдѣ я хоть одинъ разъ проходилъ....

— „Удивительно!! Что за причина?!“

— Причина очевидна: я—кафиръ, они—мусульмане; докторъ—кафиръ обязательно уморитъ больного мусульманина.

— „Поразительно странное мнѣніе!.. Съ одной стороны полное отсутствіе докторовъ, а съ другой—недовѣріе къ знающимъ докторамъ; эти два обстоятельства вполне достаточны для того, чтобы во всей Бухарѣ не осталось ни одного здороваго человѣка“!

— Да. Въ настоящее время во всѣхъ бухарскихъ владѣніяхъ очень мало такихъ людей, которые хоть одинъ разъ въ годъ не хворали бы.

— „Отчего же вы, будучи официальнымъ докторомъ этой области, не принимаете никакихъ мѣръ къ уничтоженію этихъ болѣзней“.

— Вы конечно видѣли и наши области и нѣкоторые европейскіе города. Европейскія правительства спеціально расходуютъ деньги для поддержанія здоровья своего народа; улицы въ городахъ содержатся чище, чѣмъ внутреннія комнаты въ здѣшнихъ домахъ; нигдѣ въ Европѣ барановъ не рѣжутъ внутри городовъ, мертвыхъ не закапываютъ въ предѣлахъ города, отбросы животныхъ не выва-

ливаютъ посреди улицъ. Во многихъ изъ нашихъ городовъ существуютъ спеціальныя медицинскія школы, которыя, давая образованіе врачамъ, ежегодно отправляютъ ихъ по всей странѣ; людямъ, которые не окончили особаго образованія, не разрѣшается продавать лекарства. Въ школахъ нашихъ дѣтямъ читаютъ гигиену; ежедневно свѣдущіе профессора пишутъ въ газетахъ медицинскія статьи, разъясняя народу правила гигиены. Поэтому нѣкоторые изъ жителей европейскихъ городовъ знаютъ основы медицины не хуже доктора. Не смотря на это, чуть только заболитъ голова или почувствуютъ жаръ, сейчасъ же бѣгутъ къ доктору, и, что тотъ ни скажетъ, съ полной готовностью исполняютъ. Жители же Туркестана — полная противоположность имъ: вы сами видѣли ихъ улицы; до сихъ поръ еще они рѣжутъ барановъ внутри города, а внутренности ихъ кладутъ около дороги; околѣвшихъ закапываютъ тутъ же: на нѣкоторыхъ улицахъ кромѣ этого еще выбрасываются и экскрименты животныхъ, иногда даже и людей. Ихъ питьевая вода, пройдя мимо двухсотъ отхожихъ мѣстъ, попадаетъ въ пруды. Не только въ школахъ, но даже въ медресе не читается ни строчки гигиены. При наличіи всего этого, эти люди не хотятъ ходить по той улицѣ, гдѣ проходилъ я хоть однажды; все, что-бы я ни сказалъ, считаютъ противнымъ шаріату, а того, кто исполнитъ сказанное мною — кафиромъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бухарское правительство по моему указанію приказало подметать улицы города; жители были очень опечалены и говорили про меня: „этотъ кафиръ затѣялъ подметать улицы, теперъ выгонитъ изъ Бухары все добро и благодать Божіи“.. ..

— „Прекрасно! Предположимъ, что бухарцы стали бы исполнять ваши указанія; чтобы вы тогда предприняли для того, чтобы изгнать изъ Бухары эти болѣзни“?

— Хотя уничтожить всѣ болѣзни въ Бухарѣ дѣло очень не легкое, однако для начала достаточно будетъ

приложить немножко стараній; такъ, вы и другіе образованные люди полагаете, что народъ въ Бухарѣ очень нуждается въ докторахъ; во первыхъ, внѣ города Бухары, въ другихъ мѣстахъ совершенно нѣтъ докторовъ. Во многихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Карши, Шааръ-шаузѣ, Гисарѣ, Кулябѣ и иныхъ областяхъ есть много людей, которые до сего времени еще и не слышали названія „докторъ“; какъ только вы выйдете изъ воротъ города, въ какую сторону не пойдете,— вы не увидите ни одного доктора, кромѣ старухъ знахарокъ и мелочныхъ торговцевъ, продающихъ лекарство. Даже въ самой Бухарѣ есть много людей, которые считаютъ лучшимъ средствомъ противъ жара при лихорадкѣ слѣдующее: положить на больного ослиное вьючное сѣдло, сѣсть на него верхомъ и кричать: „Иш-ш-ш!“..... Во вторыхъ: всѣ тѣ доктора, которые здѣсь теперь живутъ, не изъ бухарцевъ; на этомъ основаніи можно сказать, что въ Бухарѣ совершенно нѣтъ докторовъ. *) Такъ вотъ я и говорю: прежде всего нужно, чтобы число докторовъ въ Бухарѣ увеличилось; это возможно лишь при томъ условіи, если они будутъ изъ уроженцевъ Бухары, а не пріѣдутъ изъ другихъ городовъ, потому что, доктора, если они знающіе и опытные, не пожелаютъ бросить свой городъ и ѣхать сюда безъ опредѣленнаго содержанія или на небольшое жалованіе, а правительство бухарское не согласится дать имъ большія деньги; слѣдовательно нужно, чтобы сами бухарцы постарались сдѣлаться докторами, хотя бы такимъ способомъ: правительство должно преобразовать одну изъ большихъ медресе въ спеціально медицинскую, назначить директоромъ ея одного изъ знающихъ докторовъ, изъ Петербурга или изъ другихъ европейскихъ городовъ пригласить опытныхъ преподавателей. Затѣмъ пусть отправитъ нѣсколько хорошихъ и добродѣтельныхъ молодыхъ

*) Это свое путешествіе я совершалъ раньше, чѣмъ въ Бухару прибылъ докторъ Собринъ-Мирза Хурдовъ; иначе я упомянулъ бы о немъ, т. к. онъ достоинъ уваженія и Бухара должна имъ гордиться. (Авт.).

бухарцевъ въ Европу для изученія медицинскихъ наукъ. На это навѣрно правительство возразить, что казна бухарская не въ состояніи отправлять ежегодно по нѣсколько человѣкъ студентовъ для обученія. Я же скажу, что правительство можетъ отпускать деньги на это и не изъ своихъ собственныхъ суммъ; я скажу яснѣе: въ Бухарѣ есть медресе, которая называется „Дар-ушшифа“ *); она получаетъ ежегодно 40,000 тенегъ вакуфа, что равно 6,000 рублей; для каждаго студента, который отправится въ Петербургъ или въ какой нибудь другой городъ учиться, будетъ вполнѣ достаточно пятисотъ рублей въ годъ; если бухарское правительство изъ вышеупомянутаго вакуфа возьметъ 5,000 рублей, то будетъ въ состояніи отправить учиться десять человѣкъ студентовъ. Черезъ четыре года всѣ эти студенты, окончивъ курсъ, возвратятся въ Бухару и займутъ мѣста преподавателей въ медицинской медресе, вмѣсто европейскихъ профессоровъ, а на ихъ мѣсто отправятся десять человѣкъ другихъ. Такимъ путемъ Бухара, ставъ обладательницей медицинской медресе, можетъ выпускать столько докторовъ, сколько будетъ нужно, но „гдѣ уши, слышашія слова и гдѣ глаза, берущіе примѣръ“?

— „Очень хорошо! Вашъ планъ выполнимъ. Отчего же вы не объясните его бухарцамъ“?

— Я же сказалъ: „гдѣ уши, слышашія слова и глаза, берущіе примѣръ“.

— „Почему же они не соглашаются на это“?!

— Говорятъ, что это противно шаріату.

— „Хорошо, а вы заявите правительству“.

— Какимъ же образомъ можно заставить правительство понять противное шаріату дѣло?

— „По моему мнѣнію ничто изъ того, о чемъ вы говорили не противорѣчитъ шаріату“!

Докторъ, удивленный этой моей фразой, пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

*) «Домъ исцѣленія», т. е. больница.

— Развѣ вы не мусульманинъ?

— „Мусульманинъ“.

— Я знаю навѣрно, что сейчасъ во всей Бухарѣ нѣтъ ни одного муллы, который бы назвалъ мои предложенія законными! Почему же вы такъ говорите?

— „Не удивляйтесь! Да, ничто изъ сказаннаго вами не противорѣчитъ шаріату; я это докажу: во первыхъ, вы хвалите и одобряете чистоту и порядокъ европейскихъ городовъ и ихъ улицъ и обнаруживаете свое сожалѣніе по поводу безобразнаго состоянія и грязи мусульманскихъ: посмотрите, что сказалъ относительно этого нашъ Пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ и милость Божія! *«Стройте себѣ мечети простыя и безъ зубцовъ по стѣнамъ и основывайте для себя города, разукрашенные башнями и красивые»* *) или *«чистоту и благовонія соблюдайте на своихъ улицахъ, потому что зловоннѣйшія улицы—улицы жидовъ»* **) или еще: *«Господь есть Превосходный,—любите превосходное, Чистый,—любите чистоту, Щедрый,—любите щедрость, Благотѣльный,—любите добрыя дѣла; итакъ соблюдайте чистоту вокругъ домовъ вашихъ и не уподобляйтесь жидамъ!»* ***) Пророкъ нашъ, да будетъ надъ нимъ миръ, не удовольствовавшись этимъ, приказалъ, чтобы каждый мусульманинъ содержалъ себя въ чистотѣ и сказалъ такъ: *«чистота есть часть религіи»* ****) и еще: *«чистите зубы, такъ какъ это есть чистота, чистота же призываетъ васъ къ вѣрѣ, а вѣра будетъ съ вѣрующимъ съ раю»*. *****) Если не будетъ затруднительно для моихъ послѣдователей, я всегда приказывалъ чистить зубы и душить-

*) و ابنوا مساجدکم جمعاً وابنوا مدائنکم مشرفة

**) و طیبوا ساحاتکم فان اتین الساحات ساحات الیہود

***) و ان الله طیب یحب الطیب نظیف یحب النظافة کریم یحب الکریم

جواد یحب الجود فنظفوا ابنیتکم ولا تشبهوا الیہود

****) و النظافة شرط الایمان

*****) تغلوا فانه نظافة والنظافة تدعو الایمان والایمان مع صاحبه فی الجنة

ся духами передъ каждой молитвой *) Вотъ эти мусульмане, которые изъ-за грязи и беспорядочности своей сдѣлали васъ мишенью для стрѣль порицанія, есть потомки людей, тысяча триста лѣтъ тому назадъ получившихъ вышеуказанныя приказанія относительно чистоты, но что могутъ они подѣлать, если не имѣютъ понятія объ истинной мусульманской религіи, и у нихъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы могъ прочесть имъ и разъяснить толкомъ какойнибудь стихъ Корана или изреченіе Пророка..... Теперъ я подошелъ къ вопросу о медицинѣ; посмотрите, что сказалъ объ этомъ нашъ Пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ и милость Божіи: «о, рабы Божіи! лечите болѣзни свои лекарствами, потому что Господь не создалъ такой болѣзни, отъ которой не создалъ также и лекарства».... **) И преобразовать одну изъ бухарскихъ медресе въ спеціально-медицинскую, назначить васъ ея директоромъ, пригласить для нея изъ Европы преподавателей и ежегодно отправлять нѣсколько человѣкъ способныхъ молодыхъ людей для полученія медицинскаго образованія въ Россію—все это отнюдь не противно нашему шаріату, потому что и Пророкъ сказалъ объ этомъ такъ: «ищите науку, хотя бы она была въ Китаѣ». ***) Обратите ваше вниманіе на содержаніе этого священнаго изреченія: та наука, для изученія которой Пророкъ посылаетъ насъ даже въ Китай, конечно не богословіе или толкованіе его, такъ какъ Китай страна невѣрныхъ и тамъ нельзя найти наукъ, касающихся нашей религіи, но навѣрно какаянибудь другая, на примѣръ, медицина или искусства. Итакъ, изъ этого изреченія ясно видно, что изученіе не религіозныхъ наукъ разрѣшено нашимъ шаріатомъ. Но кромѣ этого есть еще и другія изреченія:

*) وولوا ان تشق على امتى لامرتهم بالسواك والطيب عند كل صلوة

**) ووداوا يا عباد الله ان الله لم يضع داء الا يوضع له دواء

***) واطلبوا العلم ولو بالصين

«знаніе есть богатство потерянное вѣрующими; беретъ его тамъ, идъи найдетъ». *) «Пріобрѣтай знаніе; оно не принесетъ тебѣ вреда, откуда бы не пришло». **) Вотъ эти всѣ изреченія Пророка доказываютъ, что ваши слова не противны нашему священному шаріату.

Теперь бросимъ взглядъ на исторію Ислама: многіе изъ великихъ людей Ислама, назначивъ большое жалованіе докторамъ изъ христіанъ и даже огнепоклонниковъ, однихъ изъ нихъ дѣлали своими личными врачами, а другихъ—учителями въ медицинскихъ школахъ того времени. Халифъ Мансуръ, второй халифъ изъ Аббасидовъ, назначилъ одного христіанскаго врача по имени Георгія Бахтишу главнымъ докторомъ въ Багдадѣ. Халифъ Гарунъ-Аррашидъ также взялъ къ себѣ личнымъ врачомъ огнепоклонника по имени Манка и сыну вышеупомянутаго Георгія, по имени Бахтишу, далъ мѣсто главнаго доктора. Кромѣ этихъ извѣстныхъ врачей, у Аббасидскихъ халифовъ служило на жалованіи много другихъ, пользовавшихся тоже извѣстнымъ почетомъ и уваженіемъ; нѣкоторые занимались спеціально леченіемъ народа, другіе преподавали въ школахъ, а третьи переводили съ греческаго языка книги. Аббасидскіе халифы приказали перевести съ греческаго на арабскій языкъ очень много книгъ и ввели ихъ въ багдадскихъ школахъ. Я скажу вамъ названія нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ, переведенныхъ христіанскими докторами:

1. Книга о дробяхъ.	4. О тифѣ.
2. О началѣ и концѣ природы.	5. О водѣ и воздухѣ.
3. Объ отдѣленіяхъ организма.	6. Природа человѣка.

Авторъ этихъ книгъ Гиппократъ; перевелъ ихъ съ греческаго по приказанію халифа Мамуна Абиссида христіанинъ по имени Хунайнь.

*) «الحكمة ضالة المؤمن يأخذها أين وجدها»

**) «خذ الحكمة ولا يضرك من أي وعاء خرجت»

1. О распознаваніи болѣзней.	13. О тифѣ.
2. О недоношенныхъ дѣтяхъ.	14. Наскожныя болѣзни.
3. Книга о здоровьи.	15. О времени болѣзни тифа.
4. Объ одышкѣ.	16. Книга совѣтовъ о лихорадкѣ.
5. О пульсѣ.	17. О голосѣ.
6. О лекарствахъ.	18. Медицина и философія.
7. О выздоровленіи больныхъ.	19. О произвольныхъ поступкахъ.
8. О хорошей пищѣ.	20. Гигіена.
9. О внутреннихъ и наружныхъ болѣзняхъ.	21. Нездоровье.
10. О горячкѣ.	22. О трудахъ врачей.
11. О тифозной лихорадкѣ.	23. Самостоятельныя лекарства.
12. О выздоровленіи больныхъ.	24. Книга Платона о чр. удивительныхъ случаяхъ.

Эти книги написалъ грекъ врачъ Галенъ, а перевелъ тотъ же Хунайнь.

1. Раздѣленіе болѣзней.	10. Нужда въ пульсѣ.
2. Большая книга о пульсѣ.	11. Науки Раству.
3. О правилахъ здоровья.	12. Анатомія матки.
4. ● болѣзняхъ, излечимыхъ разными способами.	13. Мнѣнія Гипократа и Платона.
5. Большая анатомія.	14. Менструаціи.
6. Разногласіе въ анатоміи.	15. Объ опухоляхъ.
7. Анатомія живыхъ существъ.	16. О сѣмени мужчинъ.
8. Анатомія мертвыхъ животныхъ.	17. Значеніе членовъ тѣла.
9. Знанія Гипократа по анатоміи.	18. Составленіе лекарствъ.
	19. Изученіе медицины.
	20. Сила дыханія и тѣла.

Авторомъ этихъ книгъ былъ тотъ же врачъ Галенъ, а переводилъ ихъ по приказанію халифа Мамуна христіанинъ Габишъ.

1. Бьеніе сердца.	4. Переполненіе желудка.
2. Болѣзни дыхательныхъ путей	5. Женщина и помѣшательство.
3. Нервная дрожь.	

Эти книги написалъ тоже Галенъ, а перевелъ христіанскій врачъ Стефанъ, по приказанію Абассидскаго халифа Мутевакиля.

1. Объясненія къ медицинѣ.

3. Объ импотенціи.

2. О безплодіи.

4. ● гигиенѣ послѣ болѣзни.

Эти книги перевелъ съ индійскаго языка огнепоклонникъ врачъ Манка по желанію халифа Абдуррашида.

Вотъ изъ исторіи Ислама тоже можно видѣть, что Абассидскіе халифы, во времена которыхъ жило большинство изъ муджтехидовъ и факиховъ, принимали къ себѣ на службу съ большимъ содержаніемъ многихъ докторовъ и ученыхъ другихъ религій, заставляли ихъ переводить научныя греческія и индійскія книги на арабскій языкъ и предлагали ихъ изучать въ багдадскихъ медресе. Халифъ Абу-Джафаръ-Мансуръ-Абассидскій, во время котораго жилъ Великій Имамъ *), даже назначилъ христіанина Георгія Бахтишу старшимъ надъ врачами Багдада, а халифъ Абуррашидъ, имѣвшій у себя казіемъ Абу-Юсуфа, далъ мѣсто старшаго багдадскаго врача сыну вышеупомянутаго Георгія, тоже христіанину, и взялъ къ себѣ личнымъ врачомъ огнепоклонника Манка. Это все доказываетъ, что, если теперь мы, мусульмане, отправимъ для изученія медицины нѣсколько человѣкъ студентовъ въ Европу, а оттуда пригласимъ къ себѣ свѣдущихъ докторовъ и назначимъ ихъ преподавателями въ свою медицинскую медресе, то все это совершенно не будетъ противорѣчить шаріату. Вѣдь у бухарскаго правительства навѣрно есть свѣдущіе и умные люди; вы расскажите имъ все это, думаю, что они согласятся съ вашимъ мнѣніемъ“.

Докторъ остался очень доволенъ всѣмъ сказаннымъ мною и, попрощавшись, ушелъ.

Послѣ того какъ я совершенно поправился, я пробылъ въ Бухарѣ еще нѣсколько дней. Затѣмъ я рѣшилъ отправиться въ путешествіе. Хозяинъ дома, гдѣ я жилъ, взялъ у вліятельныхъ лицъ Бухары для меня рекомендательныя письма къ казіямъ и правителямъ облышихъ

*) Абу-Ханифа.

городовъ; кромѣ этого онъ далъ мнѣ въ спутники одного образованнаго молодого человѣка, который зналъ мѣстные языки.

Рано утромъ мы сѣли въ бухарскую арбу и отправились. Ко времени намаза „аср“ мы прибыли къ мѣсту первой остановки, къ какому то селенію, весьма маленькому, состоявшему всего изъ трехъ-четырехъ лавченокъ. Я сошелъ съ арбы около одной изъ этихъ лавокъ; хозяинъ ея взялъ мои вещи и положилъ ихъ подъ закопченной террасой. Я развернулъ спальныя принадлежности, совершилъ омовеніе и намазъ, а затѣмъ отправился гулять по окрестностямъ. Но что это были за окрестности!.... Какъ только я вышелъ изъ-за лавокъ, то увидалъ, что со всѣхъ сторонъ пустыня! Только съ одной стороны я замѣтилъ большую постройку, вродѣ медресе; двери ея развалились. Я вошелъ внутрь ея и увидалъ, что здѣсь она вся положительно превратилась въ кучу развалинъ. Я спросилъ у своего спутника:

— „Почему эта медресе такъ разрушена“?

— Это не медресе, это гостинница; посмотрите вонъ тамъ, напротивъ нея есть и водохранилище.

Я посмотрѣлъ по указанному направленію и увидалъ большой каменный водоемъ. Заинтересованный я спросилъ:

— „Кто же все это устроилъ“?

— Эту гостинницу и водоемъ выстроилъ для отдыха путешественниковъ одинъ изъ Бухарскихъ Эмировъ, по имени Абдулла-ханъ. Этотъ Эмиръ устроилъ по всѣмъ дорогамъ въ своемъ государствѣ на каждой станціи, гдѣ нѣтъ поселенія, подобные этому караванъ-сарайи и водоемы; теперь же всѣ они, какъ этотъ постепенно разрушаются...

Спутникъ мой, будучи человѣкомъ простымъ, ничего не зналъ о настоящемъ положеніи міра исламскаго и христіанскаго и потому рассказывалъ мнѣ обо всемъ этомъ безъ особеннаго сожалѣнія; я же былъ очень огорченъ

слышаннымъ отъ него и подумалъ: европейцы говорятъ: „пустъ останется память объ насъ грядущимъ поколѣніямъ“, и ежедневно возводятъ новыя прекрасныя зданія; мы же, мусульмане, сказавъ „пустъ останется объ насъ память и потомки не забудутъ нашего имени“, ни о чемъ не заботимся; удивительнѣе же всего то, что тѣ предметы, которые остались намъ отъ нашихъ отцовъ и великихъ людей, мы разрушаемъ и уничтожаемъ!...

Солнце стало закатываться; мы вернулись въ лавку, прочитали вечерній намазъ, напились чаю и легли спать. Послѣ полуночи мы встали и отправились въ дальнѣйшій путь. На четвертыя сутки мы прибыли въ Карши; по пути мы не встрѣтили ничего, достойнаго упоминанія, кромѣ того развѣ, что на каждой станціи были такіе же какъ и на первой караванъ-сарай и водоемы Абдулла-хана и въ такомъ же заброшенномъ видѣ.

Прибывъ въ Карши, мы остановились у дома казія; привезенное изъ Бухары письмо, я передалъ людямъ казія, они снесли къ нему. Насъ привели въ какую то комнату, гдѣ мы и провели эту ночь. На другой день, послѣ восхода солнца, мы пошли привѣтствовать казія, который принялъ насъ любезно; посидѣвъ немного у него, мы отправились осматривать городъ.....

Цѣлую недѣлю я пробылъ въ Карши и все, что видѣлъ въ этомъ городѣ достопримѣчательнаго, вкратцѣ расскажу:

Карши—одинъ изъ большихъ бухарскихъ городовъ; прежде торговые обороты этого города равнялись оборотамъ Бухары, но теперь, благодаря отсутствію желѣзной дороги, сильно упали. Науки и знанія здѣсь также находятся въ плачевномъ состояніи, даже большая часть жителей не считаетъ необходимою изученіе грамоты. Ремесла здѣсь болѣе развиты, чѣмъ въ столицѣ; съ большимъ искусствомъ здѣсь выдѣлываются мѣдные кувшины и ткуются ковры, а въ умѣніи ткать особую полушелковую ткань, называемую „алача“, каршинцы не имѣютъ себѣ

равныхъ; но къ великому сожалѣнію все это выдѣлывается по старинному, ручнымъ способомъ; фабрикъ, оборудованныхъ машинами, у нихъ нѣтъ, даже и въ проэктѣ не существуетъ.

Однажды вмѣстѣ съ однимъ изъ слугъ казія я зашелъ на фабрику одного извѣстнаго ткача „алачи“; хозяинъ ея принялъ меня съ почтеніемъ, и мы бесѣдовали съ нимъ около часа. Между прочимъ я сказалъ ему:

— „Ваша мастерская лучше другихъ каршинскихъ и „алача“ вашего производства тоньше и изящнѣе. Правду сказать, ваша „алача“ даже лучше многихъ русскихъ матерій, потому что, хотя ихъ матеріи гораздо тоньше и красивѣе, однако лишены этой прочности въ носкѣ, какою обладаетъ эта. Относительно того, что ваша „алача“ бываетъ тонка и прочна, я слышалъ одинъ разсказъ, который сейчасъ вамъ разскажу: одинъ изъ бухарскихъ паломниковъ, отправляясь въ Хаджъ, взялъ съ собою нѣсколько кусковъ этой матеріи, чтобы по прибытіи въ Медину принести ее въ жертву. Случайно, не знаю почему именно, онъ не сдѣлалъ этого и не истратилъ „алачу“ ни на что другое и повезъ ее съ собою обратно въ Бухару. По прибытіи въ Одессу, во время таможенного осмотра, русскіе чиновники сочли эту вашу „алачу“ за французскій товаръ и потребовали за нее пошлину; сколько ни убѣждалъ ихъ бѣдный хаджи, что это самая обыкновенная бухарская матерія, чиновники стояли на своемъ и говорили, что въ Бухарѣ еще нѣтъ такихъ фабрикъ, которыя могли бы вырабатывать столь хорошій товаръ, и что хаджи купилъ его въ Константинополь. Такъ несчастному хаджи и пришлось уплатить нѣсколько рублей таможенной пошлины. Конечно здѣсь нѣтъ вины русскихъ чиновниковъ, но „алача“ была такъ хороша, что показалась имъ французскимъ товаромъ; въ прочности же она, пожалуй, и превосходитъ его“.

Хозяинъ мастерской былъ очень польщенъ моими словами. Въ это время принесли чай и угощеніе, послѣ

котораго я снова началъ говорить:

— „Правду сказать, каршинцы большіе мастера ткать „алачу“ и въ настоящее время очень много зарабатываютъ этимъ ремесломъ. Но что вы думаете относительно будущаго этого промысла“?

Хозяинъ, не понявъ моего вопроса, удивленно посмотрѣлъ на меня; чтобы пояснить ему я сказалъ:

— „Вы надѣетесь, что это ремесло каршинцевъ десять или двѣнадцать лѣтъ еще будетъ имѣть такой же успѣхъ или нѣтъ“?

Мастеръ на этотъ разъ понялъ меня, но въ силу того, что подобный вопросъ не приходилъ ему въ голову до сего времени,— онъ смутился и молчалъ. Я опять сталъ пояснять ему:

— „Господинъ мастеръ! Европейцы въ томъ случаѣ, если берутся за какое нибудь дѣло, смотрятъ впередъ: будетъ ли оно пользоваться успѣхомъ черезъ десять, двадцать, даже сто и двѣсти лѣтъ. Вы же, владея такимъ искусствомъ, помышляете ли о томъ, какая будущность ждетъ его“?

— Это наше ремесло нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣло успѣхъ, имѣетъ его теперь, а что будетъ впереди —знаетъ только Богъ!

— „Это правильно, Богъ знаетъ! А вы то принимаете ли какія нибудь мѣры къ тому, чтобы ваше искусство просуществовало бы хоть десять лѣтъ еще“?

— Въ настоящее время дѣла наши прекрасны, а черезъ десять лѣтъ кто помретъ, кто останется въ живыхъ —неизвѣстно!

— „Такъ вѣдь вы предполагаете, что вы останетесь въ живыхъ, почему же не подумаете о томъ времени? Ну, хорошо, предположимъ, что вы не доживете до тѣхъ поръ; что же будутъ дѣлать ваши дѣти и внуки? Господинъ мастеръ! вы иногда подумывайте о будущемъ. Въ этомъ мирѣ всѣ трудятся для будущаго; заботы о будущемъ есть главная причина благоустройства и процвѣта-

нія міра: торговецъ переносить неудобства путешествія сегодня для того, чтобы увидать завтра у себя больше денегъ; ученый сидитъ въ углу темной кельи въ голодѣ и холодѣ въ мысляхъ о томъ, что на будущій годъ онъ будетъ мударисомъ; правитель города посылаетъ въ царскую казну кровь и потъ народа въ надеждѣ, что черезъ мѣсяцъ его сдѣлаютъ визиремъ; государь сегодня соглашается на смерть ста тысячъ своихъ солдатъ для того, чтобы на другой день въ новомъ царствѣ читали „хутбу“ съ его именемъ. Все это уже въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій идетъ однимъ путемъ и впредь будетъ идти имъ же, то есть все дѣлалось и будетъ дѣлаться ради будущаго времени. Нѣтъ во всемъ мірѣ ни одного человека, который бы сдѣлалъ хоть одинъ шагъ ради того, что уже прошло“!

Эти мои слова пришились по сердцу мастеру; я же продолжалъ свою рѣчь:

— „Такъ какъ вы согласились съ моими словами, то давайте разсуждать о томъ, что въ будущемъ ожидаетъ ваше ремесло..... Вы знаете изъ чего шили себѣ платье сто лѣтъ тому назадъ жители Бухарскаго ханства“?

— Изъ маты и рѣдины.

— „Изъ чего были ваши чалмы“?

— Изъ гидждиванской кисеи. *)

— „Пищу ѣли изъ какой посуды“?

— Изъ глиняныхъ чашекъ.

— „Эту мату, рѣдину, глиняныя чашки и прочее кто выдѣлывалъ для нихъ“?

— Сами же бухарцы.

— „Въ мастерскихъ работали руками или на машинахъ“?

— Конечно руками.

— „Вотъ видите, въ тѣ времена всѣ жители Туркестана сами выработывали для себя все необходимое и сами же потребляли; деньги вынимали изъ своего кармана

*) Гидждиванъ—маленькій городъ въ Бухарѣ.

и потомъ туда же ихъ клали; ни одного гроша не давали иноземнымъ фабрикантамъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ европейскія фабрики начали выдѣлывать тонкія шерстяныя ткани, шелковыя кисеи и прекрасную разноцвѣтную фарфоровую посуду и со всѣхъ сторонъ привозить въ Туркестанъ, всѣ жители набросились на эти товары, а на свои старые, такъ сказать національныя, перестали и смотрѣть. Постепенно всѣ мѣстныя мастерскія ткацкія и гончарныя, оставшись безъ работы, стали закрываться, хозяева же ихъ волей-неволей должны были заняться или черной работой или идти въ услуженіе къ другимъ и въ концѣ-концовъ съ тысячами вздоховъ сожалѣнія покинули сей бранный міръ. Если бы они не говорили также какъ и вы: „черезъ десять лѣтъ кто помретъ, а кто живъ будетъ“, и не сидѣли, сложа руки, а тотчасъ же постарались бы перемѣнить свои станки, выдѣлывающіе только мату, на другіе, которыми можно было бы ткать сукно, и горшечные на производящіе фарфоровую посуду,—въ самомъ непродолжительномъ времени выстроили бы себѣ вмѣсто тѣсныхъ и грязныхъ лавченокъ большіе магазины и взамѣнъ полуразвалившихся хибарокъ — прекрасные дома. И не только сами они стали бы счастливыми и богатыми, а и всѣ туркестанцы, такъ какъ тѣ деньги, которыя теперь уплываютъ изъ кармановъ туземцевъ въ кошельки чужихъ фабрикантовъ, остались бы въ своей странѣ. Теперь посмотримъ, будущая судьба вашего дѣла такова-же или нѣтъ. Вы, напримѣръ, на выдѣлку и матеріалъ для одного куска „алачи“ тратите 15 тенегъ, продаете его за 20 и, значитъ, получаете пользы 5 тенегъ. Но, если фабриканты примутся за выдѣлку такой же „алачи“, то каждый кусокъ имъ будетъ обходиться въ 10 тенегъ, и продавать они его будутъ за 15; тогда конечно никто не будетъ платить за вашу „алачу“ по 20 тенегъ. Что же вы тогда будете дѣлать? По неволѣ вы будете тоже продавать свою по 15 тенегъ; узнавъ о томъ,

что вы продаете также дешево, они сбавятъ цѣну на свой товаръ до 8 тенегъ и будутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней даже нести убытокъ по 2 танги на кусокъ. Вамъ и вашимъ сотоварищамъ по производству придется продавать „алачу“ тоже по 8 тенегъ и нести большіе убытки; въ концѣ-концовъ вы будете вынуждены продать свои мастерскія, чтобы окупить эти убытки, и заняться какимъ нибудь другимъ дѣломъ. Затѣмъ, послѣ того какъ всѣ туркестанскія мастерскія, вырабатывающія „алачу“, при такихъ же обстоятельствахъ вынуждены будутъ закрыться, и хозяева ихъ найдутъ себѣ иное дѣло, фабриканты ея мало-по-малу начнутъ поднимать цѣну на свою „алачу“ и доведутъ ее до 20 и даже 25 тенегъ за кусокъ и спокойно будутъ класть туркестанскія денежки въ свои карманы. Итакъ, я изъ своего разсказа выведу такое заключеніе, что, если здѣшніе ремесленники подобно европейскимъ не перемѣнятъ свои кустарныя мастерскія на благоустроенныя фабрики, то черезъ нѣсколько лѣтъ никто не найдетъ и слѣда отъ всѣхъ этихъ, по справедливости достойныхъ изумленія, искусствъ и ремеслъ. Поэтому я опять повторяю, отнеситесь ко всѣмъ моимъ словамъ внимательно и серьезно, иначе поздно будетъ раскаиваться тогда, когда все дѣло пропадетъ“.....

На этомъ я окончилъ свою рѣчь и, попрощавшись, ушелъ.

Теперь снова возвращаюсь къ своей темѣ: урожаи въ этомъ городѣ тоже очень хороши, много табаку, ячменя и пшеницы; особенно же извѣстенъ табакъ изъ Карши. Но долженъ сказать откровенно, что у каршинцевъ нѣтъ старанія и заботъ равныхъ плодородности ихъ земель, т. е. они не собираютъ столько, сколько можетъ дать земля. Но это не только въ Карши, а и по всей Бухарѣ обстоитъ одинаково. Какъ мнѣ удалось понять нерадивость и беспечность у народа явились по тремъ причинамъ: во первыхъ, поступки амлякдаровъ. Но такъ какъ объясненіе всѣхъ ихъ фокусовъ и насилій очень длинно

и не помѣстится въ этой книжкѣ, что я расскажу вкратцѣ: амлякдары собираютъ подати съ земледѣльцевъ „приблизительно“, т. е. такъ, напримѣръ: какойнибудь дехканъ собралъ кучу пшеницы, амлякдаръ приходитъ и опредѣляетъ количество хлѣба на глазъ, „приблизительно“, согласно собственному желанію, и беретъ нужную для уплаты полатей часть. Амлякдары не получаютъ отъ правительства никакого вознагражденія за свою службу, и всѣ свои расходы возмѣщаютъ излишками, взятыми съ дехкановъ. Амлякдаръ—безконтроленъ: если онъ неправильно опредѣлитъ вѣсъ хлѣба у какогонибудь земледѣльца, обидитъ ли казну или жителей, взявъ меньше или больше, чѣмъ слѣдуетъ,—никто съ него не спроситъ и не накажетъ его; поэтому, чтобы не сдѣлалъ онъ, все у него благополучно сходитъ съ рукъ. Вторая причина—это обычаи самихъ дехкановъ: ихъ земледѣльческія орудія и способъ обработки земли ничуть не разнятся отъ таковыхъ же временъ праотца Адама. Въ Европѣ во многихъ большихъ городахъ открыты земледѣльческія школы; туда принимаются дѣти хлѣбопашцевъ и изучаютъ правила обработки земли. Здѣшніе же дехканы и во снѣ не слышали названія „земледѣльская школа“. Европейскіе ученые изобрѣли для удобренія земли различныя средства, а бухарскіе землепашцы должны для этой цѣли купить себѣ лошадей или нѣсколько ишаковъ, ежедневно пріѣзжать въ городъ, собирать тамъ человѣческіе отбросы и свозить ихъ въ особыя мѣста, откуда по мѣрѣ надобности и брать ихъ для удобренія. Земледѣльцы цивилизованныхъ странъ воздѣлываютъ землю машинами; когда имъ понадобится, они могутъ вспахать въ одинъ день нѣсколько танаповъ земли, а здѣшніе должны прежде всего купить по очень высокой цѣнѣ пару большихъ быковъ, затѣмъ цѣлый годъ ежедневно расходовать имъ на кормъ 10 тенегъ, ухаживать за ними и въ первую весну въ теченіе круглыхъ сутокъ могутъ вспахать только одинъ танапъ. Первые имѣютъ особыя машины для молотбы

хлѣба, а вторые для этого опять вынуждены прибѣгать къ помощи быковъ или ишаковъ. Такимъ образомъ понятно, почему бухарскіе земледѣльцы не могутъ собрать со своихъ полей столько, сколько въ состояніи дать земля. Образованные бухарцы не считаютъ виновными въ этомъ дехкановъ, и говорятъ такъ: „вся вина падаетъ на лицъ власть имѣющихъ, потому что до сихъ поръ они не могутъ указать этимъ несчастнымъ правильнаго пути“. Я тоже отчасти согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, но всетаки большую то часть этой вины возлагаю на дехкановъ, такъ какъ они сами не хотятъ слушать того, что имъ говорятъ. Такъ, самъ я и въ Карши и въ Бухарѣ говорилъ объ этомъ многимъ земледѣльцамъ и объяснялъ имъ европейскіе способы обработки земли, а они смѣялись и говорили, что я рассказываю имъ о томъ, какъ обрабатываютъ землю въ аду черти. Третьей причиной являются дурные поступки казіевъ. О казіяхъ я вкратцѣ расскажу: въ каждой бухарской области есть одинъ казій, назначенный Эмиромъ; ихъ обязанность слѣдить за правильнымъ исполненіемъ предписаній шаріата. Каждый изъ казіевъ назначаетъ въ подчиненной ему области, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть базары, нѣсколько помощниковъ, которые въ свою очередь среди тысячнаго населенія своихъ участковъ обязаны вершить дѣла правосудія согласно указаніямъ священнаго мусульманскаго шаріата. Но какая отъ нихъ можетъ быть помощь, если сами они совершенно неграмотны, и какъ они могутъ примѣнять къ дѣлу шаріатъ! У всякаго казія состоитъ человѣкъ 20—30 прислуги, есть нѣсколько друзей и товарищей, имѣется изрядное количество лошадей и рогатаго скота; весь расходъ на содержаніе такого штата покрывается вознагражденіями, получаемыми казіями за вѣнчаніе и другія услуги, иными словами все изъ кармана того же несчастнаго поселянина.

Случай, происшедшій въ домѣ каршинскаго казія, которому я самъ былъ свидѣтелемъ, ярко обрисовываетъ

всю беззастѣнчивость бухарскихъ казіевъ; о немъ я и расскажу сейчасъ.

Однажды утромъ, послѣ того какъ я сходилъ съ прѣдствіемъ къ казію и уже возвращался въ свою комнату, я вдругъ увидалъ, что въ двери дома казія вошла толпа челоѣкъ въ 50 мужчинъ и съ ними одна женщина. Всѣ съ шумомъ разсѣлись на циновкахъ на полу; я тоже, исключительно для того, чтобы занять время, подошелъ, сѣлъ съ ними и сталъ внимательно слушать то, что они говорятъ. Женщина начала рассказывать свою жалобу:

— „Вчера я пекла хлѣбъ; вынувъ изъ печки одинъ, я положила его на площадку; въ это время изъ дома раздался плачь моего ребенка и, когда я пошла узнать, въ чемъ дѣло, кошка схватила только что испеченную мною лепешку и убѣжала. Вотъ этотъ челоѣкъ, мой мужъ, былъ на дворѣ и, увидавъ лепешку во рту у кошки, разсердившись, вошелъ въ домъ и началъ меня ругать. Сколько я ни просила прощенія, онъ не давалъ его, а все больше и больше свирѣпѣлъ. Дѣло дошло до того, что безъ всякой уважительной причины и не слушая моихъ оправданій, онъ повалилъ меня себѣ подъ ноги и сильно сталъ бить ногами. Въ концѣ концовъ я, боясь за свою жизнь, вырвалась у него и убѣжала къ сосѣдямъ, потомъ къ брату, а оттуда пришла къ вашей милости съ жалобой. Вотъ и его самого привела!“ Казій, посмотрѣвъ на ея мужа, сказалъ:

— „На какомъ основаніи ты билъ эту несчастную? Ты развѣ видѣлъ, что въ городѣ нѣтъ правителя?“ Тотъ, совершенно отрицая свою вину, отвѣчалъ:

— Я ничего не знаю. Братъ моей жены питаетъ ко мнѣ вражду, и она въ угоду ему говоритъ на меня напраслину!...

— „Ты врешь, возразилъ разсердившись казіи, — развѣ я не знаю твоихъ прошлыхъ дѣлъ? Сейчасъ я тебѣ прикажу воткнуть подъ ногти камышинки!....“ и тотчасъ же приказалъ посадить его въ тюрьму. Тогда тѣ люди, кото-

рые пришли со стороны мужа, возвысили голоса и стали подтверждать его невиновность, а пришедшие свидѣтелями со стороны жены, начали опровергать ихъ слова; въ концѣ концовъ поднялся такой гвалтъ и шумъ, что никто ничего не могъ слышать. Казій вторично приказалъ посадить подъ арестъ виноватаго, слуги его увели и заперли. Всѣ пришедшіе на судъ ушли. Я же, придя въ отведенное мнѣ помѣщеніе, пораженный только что видѣннымъ, сталъ размышлять: „лепешки, утащенной кошкой, достаточно было для того, чтобы 50 человекъ народу, бросивъ всѣ свои работы, пришли сюда, пройдя путь въ два фарсанга!.....“

Я сталъ читать книгу..... Вскорѣ наступило время намаза „пишин“, я отправился въ мечеть на молитву, а когда возвратился, то казіи прислалъ за мной человека съ приглашеніемъ на обѣдъ. Когда обѣдъ кончился и стали убирать со стола, къ воротамъ дома казія подѣхали два человека. Увидавъ ихъ, казіи спросилъ меня:

— Вы видѣли тѣхъ мужа и жену, которые утромъ приходили судиться?

— „Видѣлъ.“

— Вотъ эти двое вновь прибывшіе — ихъ аксакалы: посмотримъ, что они скажутъ!

Въ это время эти аксакалы вошли въ комнату, сказали привѣтствіе и сѣли. Казій взглянувъ на одного изъ нихъ сказалъ:

— „Ну, аксакалъ, какъ поживаете?...“

— Молюсь, господинъ, чтобы Господь ниспослалъ свое благословеніе на жизнь вашу и вашихъ наслѣдниковъ!...

— „Этотъ проклятый ишакъ чего ради избилъ свою жену? Онъ должно быть рѣшилъ, что въ странѣ нѣтъ властей!“

— Несчастье съ вашей головы беру себѣ! *) Этотъ бѣдняга не виноватъ, жена его очень безстыжая баба.

*) Обычная фраза въ разговорѣ между мусульманами.

— „Что можетъ сдѣлать сама женщина!? во всякомъ безобразномъ и безстыжемъ дѣлѣ виноватъ тотъ болванъ! Онъ думалъ, что эта слабая женщина покинута всѣми! Но я—отецъ покинутыхъ!... Сегодня же я пожалуюсь Эмиру, а тому прикажу дать 75 палокъ, пусть другимъ послужитъ примѣромъ!“....

Аксакаль, испугавшись этихъ угрозъ казія, началъ говорить:

— Дорогой господинъ мой! Несчастье съ вашей головы беру себѣ! Послушайтесь словъ своего стараго слуги! Простите вину тому несчастному, жена его уже простила его!.....

— „Врете вы! Та женщина ни за что не проститъ его!“

— Мы никогда не времъ; прикажите и мы приведемъ ее, тогда и спросите у нея самой!

— „Превосходно! Приведите ко мнѣ ее!“.

Аксакаль ушелъ. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился, приведя съ собою женщину вмѣстѣ съ ея свидѣтелями. Казій обращаясь къ женщинѣ, произнесъ:

— „Я посадилъ твоего мужа въ тюрьму; завтра донесу Эмиру и, давъ виновному 75 палочныхъ ударовъ, сдамъ въ солдаты!“

Несчастливая женщина, какъ только услышала слова казія, вздрогнула и, зарыдавъ, стала говорить:

— Я прошу прощенія за своего мужа! Простите вину этому несчастному! Ради Бога, будьте милостивы, войдите въ наше положеніе!

— „Теперь уже невозможно! Эй, женщина! Слушай меня: твой мужъ побилъ тебя или нѣтъ? Если побилъ, то я накажу его, если же нѣтъ, то накажу тебя за то, что ты ложно обвинила мужа!“

— Мужъ меня побилъ на самомъ дѣлѣ, но я уже простила его, простите же его и вы!.....

— „Довольно!..... Мужъ твой побилъ тебя, и я накажу его. Конечно мужъ твой, видя тебя беззащитную и

слабую, побилъ: вотъ я и отомщу ему за это, чтобы впредь онъ зналъ, что я — заступникъ и покровитель бѣдныхъ и беззащитныхъ этого города“.....

Несчастливая женщина дважды простирала руки свои къ казію, плакала и просила:

— Заклинаю тебя головой твоихъ дѣтей! Беру на себя всѣ твои несчастья! У моего мужа двое маленькихъ дѣтей, смилуйтесь хоть надъ ними то! Я не имѣю никакой претензіи къ мужу, простите его!....

— „Шариату нѣтъ никакого дѣла до того, есть ли у кого грудныя дѣти!.... Я его обязательно накажу!....“

— Сейчасъ только вы назвали себя покровителемъ обиженныхъ и слабыхъ, будьте же милостивы къ намъ! Изъ-за пустяка не разрушайте нашего дома, не дѣлайте меня вдовой, а дѣтей сиротами!....

Казій, разсердившись, сказалъ своимъ слугамъ:

— „Выгоните эту проклятую дуру!....“

Прислужники безъ всякаго милосердія ударами кулаковъ и пинками ногъ вытолкали несчастную изъ дома казія. Послѣ этого я ушелъ къ себѣ и легъ спать.

На слѣдующее утро я всталъ рано и взялся было за книгу, но не могъ читать спокойно, такъ какъ поминутно передо мною вставалъ образъ той несчастной женщины, и грезился ея плачь. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда казіи пришлетъ за мной человека звать къ чаю, чтобы разспросить о дальнѣйшей судьбѣ арестованнаго вчера мужчины и его жены. Вскорѣ за мною пришли, и я, поблагодаривъ Бога, тотчасъ же пошелъ въ домъ казія. Сказавъ привѣтствіе, я сталъ пить чай, послѣ котораго у насъ завязался разговоръ; черезъ нѣсколько времени въ комнату вошли два аксакала, которыхъ я видѣлъ здѣсь же вчера и, поздоровавшись, сѣли. Казій съ улыбкой отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе и тотчасъ же приказалъ одному изъ слугъ привести арестованнаго вчера мужчину. Когда его привели, казіи сказалъ ему:

— Эй, ты, несчастный неудачникъ! Я намѣренъ былъ

приказать дать тебѣ 75 палокъ и затѣмъ отдать тебя въ солдаты, но на этотъ разъ, снисходя къ просьбамъ аксакаловъ, прощаю тебѣ твою вину!...

Аксакалы тотчасъ же начали читать молитву за всѣхъ потомковъ казія; узникъ тоже помолился сначала за нихъ, а потомъ (?) за Эмира, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ ушли. Я, пораженный до послѣдней степени, подумалъ: „почему это вчера нужно было господину казію дѣлать всѣ эти насилія, а сегодня такія милости?....“

Исключительно для того, чтобы выяснить себѣ что нибудь изъ этого дѣла, я вышелъ изъ дома казія и отправился въ домъ его писаря. Старшій писарь казія былъ человѣкъ образованный, иногда даже читалъ персидскія и турецкія газеты. Раньше этого случая я нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ нимъ. Теперь же, какъ только онъ увидалъ меня, сейчасъ же спросилъ:

— Господинъ чужестранецъ! Изволили вы видѣть и убѣдиться въ томъ, какъ мы несчастны?

— „Что я видѣлъ“?

— Обратили ли вы должное вниманіе на вчерашній судебный процессъ между женою и мужемъ?

— „Да, я обратилъ вниманіе; но понялъ только то, что кошка утащила лепешку у этого человѣка, а того, изъ-за чего казіи вель себя какъ кошка, никакъ не могу уразумѣть“!

— Изъ за того чтобы отнять у нихъ и оставшійся хлѣбъ.

— „Братъ мой! Я очень удивленъ всѣмъ видѣннымъ! Какъ же обстоитъ дѣло въ дѣйствительности? Почему казіи въ первый день такъ сурово отнесся къ нимъ, а на второй такъ любезно отпустилъ арестованнаго?“

— Сегодня ночью, послѣ намаза „шам“, пріѣзжали тѣ два аксакала и пожертвовали „господину блюстителю закона“ 2000 тенегъ, прося простить заключеннаго и казіи по желанію (!) аксакаловъ помиловалъ его!.....

— „Что вы говорите?!—вскричалъ я, пораженный

до крайности— „2000 тенегъ судебныхъ издержекъ по дѣлу о лепешкѣ, утащенной кошкой!!... Какъ это понять?!..“

— Увы! 2000 тенегъ расхода! Только на одинъ подарокъ казію вышло 2000 тенегъ!....

— „Какой же еще былъ расходъ?!“

— 1500 тенегъ сверхъ этого попало въ карманы прислуги казія, „раису“, людямъ правителя города и двумъ извѣстнымъ вамъ аксакаламъ.

— „По истинѣ вашъ рассказъ меня поражаетъ!! Если дѣло объ украденной кошкой лепешкѣ потребовало такихъ расходовъ, то сколько же будутъ стоить болѣе сложныя дѣла?!“

— Хотите удивляйтесь, хотите нѣтъ, но все, что я рассказалъ вамъ—сущяя правда. Конечно, болѣе важныя дѣла требуютъ соотвѣтственно большихъ денегъ.

— „Такъ въ какомъ же положеніи находится народъ?“

— Объ этомъ спросите у Бога.

Въ это время пришли двое изъ прислужниковъ казія и прервали нашъ разговоръ. Я отправился домой и, послѣ намаза „лишин“, по обыкновенію пошелъ къ казію; онъ, увидя меня, засмѣялся и сказалъ:

— „Пока не сгоритъ городъ,—не сжаритъсѣ шашлыкъ дервиша!“ *) Я долго думалъ, чѣмъ бы порадовать васъ. Теперь Господь устроилъ такъ, что кошка унесла хлѣбъ у этой женщины, и мы получили нѣсколько тенегъ; изъ этой свѣжей добычи я взялъ свою часть и часть своихъ дѣтей, а вотъ эти 300 тенегъ остались для васъ. Примите этотъ небольшой подарокъ отъ меня!

Послѣ этихъ словъ онъ положилъ передо мною нѣсколько русскихъ кредитныхъ билетовъ. Я, не прикасаясь къ деньгамъ, отвѣчалъ:

— „Я очень признателенъ вамъ! Если позволите я предложу вамъ одинъ нескромный вопросъ“.

— Что это за вопросъ?

*) Персидская словица.

— „Эти мужъ съ женой откуда достали такое количество денегъ и дали вамъ?“

— Ха-ха-ха!! Я знаю, какъ нужно брать деньги, а до всего прочаго мнѣ нѣтъ ровно никакого дѣла! Хоть бы изъ могилы своего огца достали бы ихъ—мнѣ то что до этого?!!

— „Вы меня извините, я—путешественникъ и мнѣ дороже денегъ будетъ узнать подробности подобнаго дѣла, поэтому то я и спрашиваю васъ.“

— Я ничего не знаю, а чтобы удовлетворить вашему любопытству, спросимъ у диванъ-беги.

Привели диванъ-беги, спросили у него. Онъ отвѣчалъ:

— У мужа были деньги, у жены же ничего не было; поэтому она продала два танапа земли и уплатила.

Казій, обращаясь ко мнѣ спросилъ:

— Теперь поняли?

— „Да, я понялъ и очень благодаренъ вамъ за это! но вы, блюститель священнаго закона, какъ могли допустить, чтобы продали землю этой несчастной, и какъ могли вы взять эти деньги?“

— Ну..... причемъ тутъ шаріатъ?!.. Оставьте его!.... Если бы я не зналъ, что на должности казія возможны такія дѣла, то чего ради я бросилъ бы свой родной домъ и пріѣхалъ сюда?!!

Видя, что невозможно убѣдить казія согласиться съ моими словами, я замолчалъ; предложенныя же мнѣ деньги я положилъ передъ нимъ, говоря такъ:

— „Простите меня, но я не могу взять этихъ денегъ!“

— Почему?!

— „Такъ какъ я мусульманинъ, и тѣ люди отъ которыхъ вы взяли эти деньги, тоже мусульмане.“

— Я не понимаю васъ: „я мусульманинъ,“ „они тоже мусульмане“!... Что это значить?! Я же ни васъ, ни ихъ не называлъ кафирами!.. Почему же именно вы не

берете этихъ денегъ?!

— „Нашъ шаріатъ, называя всѣхъ мусульманъ братьями другъ другу, запрещаетъ мусульманину отнимать силой имущество у мусульманина же. Вы силой отняли деньги у одного бѣднаго мусульманина, это я видѣлъ собственными глазами, и теперь часть ихъ даете мнѣ; я вовсе не желаю быть соучастникомъ вашимъ въ этомъ преступленіи и потому то не беру денегъ!“

Казій разсердился на меня за эти слова, взялъ деньги обратно и замолчалъ. Я всталъ и вышелъ. Понимая, что дальше здѣсь оставаться неудобно, я отправился въ городъ и нанялъ арбу. Переночевавъ еще одну ночь въ домѣ казія, на слѣдующій день рано утромъ я простился съ хозяиномъ и отправился въ путь. Черезъ нѣсколько дней я прибылъ въ Шааръ-шаузъ.*)

Это главный городъ одной изъ большихъ бухарскихъ областей и справедливо названъ „зеленымъ городомъ“: вокругъ него множество прекрасныхъ полей и пажитей, особенно много сѣется и собирается тамъ риса. Изъ ремеслъ этого города извѣстны также выдѣлка „алачи“ и вышитыхъ платковъ; послѣднее заслуживаетъ вниманія въ особенности, но къ великому сожалѣнію до сихъ поръ вырабатываются эти платки по старому методу, и производство ихъ мало-по-малу прекращается.

Здѣсь я тоже остановился въ домѣ казія, который оказался человекомъ образованнымъ и свѣдущимъ.

Однажды я сидѣлъ у казія и разговаривалъ съ нимъ о городѣ Шааръ-шаузѣ; начался этотъ разговоръ такъ:

— Господинъ путешественникъ, спросилъ меня казій, какъ вы находите нашъ городъ?

— „Прекрасная мѣстность, господинъ казій, отвѣчалъ я, и дивный климатъ! Какъ жалко, что онъ подобно всѣмъ другимъ мусульманскимъ городамъ, разрушается!...“

— Да, мы, мусульмане, никогда не заботимся о процвѣтаніи страны!

*) По персидски—„шагри-сабзъ“ что значитъ зеленый городъ.

— „Ваша область расположена по сосѣдству съ Самаркандской, климатъ и плодородность ея не хуже, чѣмъ въ послѣдней; неужели вамъ никогда не приходилъ въ голову вопросъ, почему же ваша область не такъ благоустроена, какъ самаркандская?!..... Господинъ казій! Вамъ тоже извѣстно, что въ настоящее время весь мусульманскій міръ погибаетъ изъ-за своего незнанія и невѣжества, и не найдется ни одного мусульманина, который задумался бы надъ изысканіемъ средствъ выйти изъ этого положенія... Вотъ вы и сами изволили сказать, что мусульмане не заботятся о благосостояніи страны. Удивительно, почему это такъ?! Въ чемъ провинились мусульмане. Какая вина за магометанской вѣрой? Почему же послѣдователи Пророка Магомета стали бѣдными и незнающими? Почему мусульманскія области пребываютъ въ состояніи разрушенія и запустѣнія? Въ чемъ тутъ вся хитрость? Вѣдь если бы, на примѣръ, хотъ одинъ человѣкъ изъ каршинскихъ и китабскихъ ткачей алачи проживалъ бы въ Европѣ, то онъ утонулъ бы въ золотѣ и богатствахъ, а здѣсь у него нѣтъ даже хлѣба насущнаго въ достаточномъ количествѣ!!.... Если бы эти шааръ-шаузскія земли дать въ руки японцамъ, они золото сѣяли бы на нихъ и золото собирали!! Почему же у васъ онѣ бесплодны?!..... Каждый изъ этихъ вопросовъ долженъ тронуть людей размышляющихъ; не знаю почему вы не интересуетесь ими?“

— Братъ мой! Вы вѣдь знаете, что нашъ народъ еще очень неразвитъ и не въ состояніи постичь всего этого. Люди, умъ которыхъ находится на низкой ступени развитія, подобно баранамъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подчиняются пастуху, то-есть слѣдуютъ за своими правителями, а я съ увѣренностью могу сказать, что мы, власть имущіе люди, не потратили ни одной минуты изъ всей своей жизни для блага и счастья народа! Мысль о необходимости позаботиться объ удобствахъ жизни народа и о благоустроеніи родины не приходитъ никому изъ насъ въ голову. Нужно, чтобы каждый правитель считалъ бы

себя слугою во первых—государства, во вторых—народа и въ третьих—государя, потому что наша служба, какъ правителей областей, существуетъ при наличіи государства и народа; если же исчезнетъ народъ, и разрушено будетъ государство,—ни у насъ не будетъ власти ни у государя. Мы ставленники государя, Его Высочество Эмиръ назначилъ меня правителемъ. Гдѣ? Ну, хотя бы здѣсь, въ Шааръ-шаузѣ. Но если бы не было ни области Шааръ-шаузской, ни ея населенія, то моя власть была бы властью аксакала на кладбищѣ, безсмысленной и смѣшной. Мы, бухарцы, если становимся правителями какого нибудь города, то совершенно позабываемъ обо всемъ, что касается области и ея населенія, даже о Богѣ рѣдко вспоминаемъ, а все свое время употребляемъ на то, чтобы заслужить расположеніе Эмира, прибѣгая для этого ко всевозможнымъ, дозволеннымъ и недозволеннымъ средствамъ. Удивительнѣе всего то, что, не смотря на всѣ наши старанія, Эмиръ не можетъ быть доволенъ ни нами, ни нашими поступками, потому что, какъ бы не былъ жестоко-сердъ государь, онъ никогда не одобритъ разрушенія своего государства и обиранія населенія. Да и что можетъ достаться нашему Эмиру, если у него мало справедливыхъ и любящихъ народъ слугъ?! Я достовѣрно знаю, что нашъ Эмиръ постоянно заботится объ облегченіи участи народа и о благоустройствѣ страны; но извѣстно всѣмъ также и то, что ни у одного вельможи не видѣли знанія и справедливаго отношенія ни къ кому изъ 4-хъ мѣрзонаго бухарскаго народа... Да, Эмиръ нашъ справедливъ, но большая часть изъ слугъ его никогда не слыхала о справедливости. Вотъ поэтому то наше государство и пришло въ такой упадокъ и никогда не поднимется, если останутся такіе порядки!.....

— „Ваши разсужденія до нѣкоторой степени правильны... Новы говорите, что бухарцы подобны баранамъ, и поэтому всю вину возлагаете на высшій классъ и правителей. На мой взглядъ здѣсь виноваты какъ власть

имушіе, такъ и простой народъ. Допустимъ, что жители Бухары на самомъ дѣлѣ какъ бараны, но уподобляться баранамъ некрасиво и гадко для людей. Люди должны всегда оставаться людьми, а не дѣлаться животными. Богъ говоритъ въ коранѣ: „Мы прировняли каждому человека въ добрыхъ дѣлахъ ко встамъ лошадей“ *) и въ другомъ мѣстѣ: „Всевышній назначилъ васъ повелителями всею, что есть на землѣ и на небѣ“. **) Дѣйствительно, если все то, что есть на небѣ и на землѣ, не было бы подчинено человеку, какъ бы смогли европейцы построить и аэростаты и аэропланы и летать на нихъ? Подумайте сами, какимъ же образомъ тѣ самые люди, которые согласно Корану, есть лучшіе изъ твореній, кому подчинены земля и небо, подъ чьей сильной десницей гора и соломинка, желѣзо и воскъ не имѣютъ между собой разницы, могутъ уподобиться баранамъ? Почему они непременно должны брать примѣръ въ своемъ житьѣ-бытьѣ съ высшаго класса народа? Коранъ совершенно ясно говоритъ: „Все, что находить человекъ, — онъ находить погъ старанію своего старанія“ ***) и если у него не будетъ этого старанія, то онъ ничего и не получитъ. Пророкъ нашъ изволилъ сказать: „Господь Богъ ценитъ милости Свои рабу, согласно его усердію и старанію“ ****) Творецъ указалъ намъ въ совершенствѣ путь къ благополучію и счастію. Прежде всего онъ сказалъ: „Я создалъ васъ лучшими изъ твореній всего міра“; необходимо понять здѣсь, что мы являемся лучшими не по красотѣ глазъ и бровей, а только по своему уму и способностямъ; если же мы не будемъ извлекать изъ нихъ никакой пользы, то будемъ хуже и ниже не только лучшихъ, но даже самыхъ худшихъ и низшихъ твореній

*) و لقد خلقنا الانسان في احسن تقويم

***) و وسخر لكم ما في السموات والارض

****) و ليس للانسان الا ما سعى

*****) و ان الله يعطي العبد بقدر تهمة

Въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *«все, что существуетъ на землѣ и небѣ, Я подчинилъ вамъ»*. Скажите мнѣ, что изъ существующаго на небѣ и на землѣ мы подчинили себѣ? Если бы вы, учась въ европейскихъ школахъ, узнали, какимъ образомъ европейцы строятъ телефонъ, телеграфъ, желѣзныя дороги, пароходы, аэропланы и т. д., то поняли бы смыслъ этого стиха Корана и увидали бы сколько талантовъ, данныхъ Богомъ, мы попираемъ ногами! Далѣе Онъ говоритъ: *«все, что находитъ человекъ, находитъ потѣху своею старанія; если же не будетъ стараться, то не получитъ ничего»*. Конечно!!.... Затѣмъ, Господь сотворилъ васъ лучшими изъ всѣхъ созданій въ отношеніи ума и способностей, всѣхъ прочихъ тварей подчинилъ вамъ; вы должны прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы эти ваши качества приносили бы пользу. Если же вы не будете стараться и зароете въ землю свои таланты, то зачѣмъ же жаловаться Богу и сѣтовать?..... Отъ правителей какихъ мѣръ вы желаете? Положимъ, Пророкъ сказалъ: *«каждый изъ васъ есть пастырь своихъ подчиненныхъ и долженъ будетъ дать о нихъ отчетъ Богу»* *). По смыслу этого изреченія каждый власть имѣющій обязанъ указывать истинный путь подвластному ему населенію, но въ силу того, что никто изъ нашихъ правителей не заботится совершенно о насъ и даже сами совершаютъ преступленія, необходимо самимъ намъ прилагать старанія, такъ какъ Всевышній наградилъ насъ такимъ же умомъ и способностями, какъ и ихъ, и, если мы не употребимъ на пользу наши дарованія, то это будетъ очень грѣшно!

Недѣлю я пробылъ въ Шааръ-шаузѣ, а затѣмъ рѣшилъ отправиться въ Самаркандъ. Тамъ я прожилъ только

*) *«كلکم راع وکلکم مسئول عن رعیتہ»* *)

однѣ сутки. Этотъ городъ въ сравненіи съ Бухарою кажется цвѣтущимъ и благоустроеннымъ; только условія духовной жизни его жителей на мой взглядъ сходны съ таковыми же въ Бухарѣ. У самаркандцевъ есть нѣсколько начальныхъ школъ, изъ которыхъ самая лучшая—школа Шукхури, хотя и она не достойна существовать въ Самаркандѣ, такъ какъ мала и не современна, но во всякомъ случаѣ есть надежда, что подъ сѣнью тѣхъ заботъ, которыми окружаютъ ее директоръ и учителя ея, въ скоромъ времени она встанетъ на должную высоту. Хотя я остался очень доволенъ своимъ обходомъ самаркандскихъ школъ, однако въ концѣ концовъ получилъ небольшое огорченіе; это вотъ почему: при наличіи среди самаркандскихъ жителей большого числа ученыхъ и образованныхъ людей и солидныхъ сотрудниковъ, до сего времени въ Самаркандѣ нѣтъ туземной газеты!... Здѣсь я скажу своимъ самаркандскимъ братьямъ: „стараніе, которое есть у тебя—надежда!“

Продолжаю описаніе своего путешествія. Изъ Самарханда по желѣзной дорогѣ я пріѣхалъ на станцію „Хатырчи“. Самый городъ отстоитъ отъ станціи на 2 фарсанга, и я, чтобы попасть туда, долженъ былъ ѣхать совместно съ шестью жителями этого города на какой то полуразвалившейся арбѣ. Всѣ мои шесть спутниковъ были изъ числа почтенныхъ и уважаемыхъ хатырчинцевъ и... совершенно неграмотны!... Дорога была такъ плоха и затруднительна, что если бы ее перекинули черезъ адъ, вмѣсто моста „Сиратъ“, *) то никто и не подумалъ бы о томъ, чтобы пойти въ рай!... Арба наша, подбрасывая своихъ сѣдоковъ одинъ на другого и швыряя ихъ по сторонамъ, со страшнымъ грохотомъ и трескомъ мало-по-малу подвигалась. Я вспомнилъ дорогу отъ вокзала въ городъ въ Самаркандѣ и, сравнивая ее съ этой несчастной дорогой, подумалъ: „посмотри, какое различіе въ путяхъ“!...

*) Мостъ вѣдущій въ рай; онъ только велесъ в вострѣ вѣча, и проходить вадъ адовъ. Грѣшники, пытающіеся пройти въ рай, срываютъ вадъ тѣлѣтъ грѣшновъ съ него и упадѣтъ въ адъ.

Наконецъ среди адскаго шума и треска послѣ четырехъ часовъ пути мы прибыли къ крѣпости Хатырчи. Здѣсь я предполагалъ остановиться въ домѣ правителя города, поэтому я прямо пошелъ къ нему и передалъ свое рекомендательное письмо. Мнѣ отвели комнату и я поселился въ ней.

Общее состояніе этого города таково же какъ и Карши и Шааръ-шауза, то есть всѣ несчастья и бѣды, которыя падаютъ на тѣ города, падаютъ и на Хатырчи, даже, пожалуй, еще въ большемъ числѣ. Большая часть земель этой области не воздѣлывается и населеніе ея очень бѣдно и несчастно. Я самъ видѣлъ человѣка, который купилъ нѣсколько танаповъ земли не подалеку отъ центра города, т. е. крѣпости, по 17 тенегъ за танапъ. Однажды я сидѣлъ на базарѣ въ лавкѣ чайнаго торговца; туда пришелъ какой то землепашецъ и купилъ одну „нимчу“ чаю за десять тенегъ въ рассрочку на 10 мѣсяцевъ. Я, пораженный этой сдѣлкой, спросилъ у покупавшаго.

— „Развѣ вы не можете уплатить сразу эти 10 тенегъ?“ Пристально посмотрѣвъ на меня онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ!

— „А развѣ вы не въ состояніи вносить ежемѣсячно по двѣ тенги и уплатить долгъ въ пять мѣсяцевъ?“ Землепашецъ, горько усмѣхнувшись, произнесъ:

— Вамъ, еще не испытавшимъ на себѣ гнѣва Божія, легко достать ежемѣсячно по 2 тенги, а мнѣ совершенно невозможно!

— „Ну, а черезъ 10 мѣсяцевъ откуда же вы возьмете эти деньги?“

— Я долженъ амлякдару, сборщики денегъ имѣютъ за мной нѣсколько тенегъ и сверхъ всего этого я забралъ въ долгъ много денегъ у ростовщиковъ. Срокъ уплаты всѣхъ этихъ моихъ долговъ наступитъ какъ разъ черезъ 10 мѣсяцевъ; тогда продадутъ нѣсколько танаповъ моей земли, и вотъ я возьму изъ денегъ полученныхъ за землю 10 тенегъ и уплачу этому человѣку.

Въ одинъ прекрасный день я разговорился съ писаремъ правителя по поводу бѣдственнаго положенія жителей Хатырчи. Между прочимъ онъ сказалъ:

— На дняхъ здѣсь имѣлъ мѣсто интересный случай, я вамъ сейчасъ расскажу его.

— „Пожалуйста, расскажите!“

— Вамъ вѣроятно небезызвѣстно, что здѣшніе земледѣльцы удобряютъ свои поля навозомъ. Въ свободное время каждый изъ нихъ собираетъ въ особое мѣсто нѣкоторое количество этого удобренія и, передъ тѣмъ какъ пахать поле, кладетъ его куда нужно. Одинъ изъ земледѣльцевъ по имени Сафаръ запасся заблаговременно нужнымъ навозомъ. Его сосѣдъ умысленно или по ошибкѣ отнесъ на свое поле немного его навоза. Сафаръ, узнавъ объ этомъ, очень разсердился и сталъ ругать своего сосѣда. Тотъ не остался въ долгу и въ свою очередь принялся ругать Сафара. Дѣло скоро перешло въ драку и окончилось въ домѣ казія. Господинъ блюститель священнаго закона, стянувъ съ него 200 тенегъ за приложеніе печати и 100 тенегъ за услуги, окончилъ ихъ дѣло „даромъ“ (?!). Черезъ два дня услыхалъ объ этомъ раисъ и потребовалъ черезъ посланнаго челоуѣка свою долю; несчастному Сафару пришлось дать и раису 100 тенегъ. Въ тотъ же день слухи достигли до правителя города, и мы взяли свою часть, а именно 200 тенегъ. Естественно, что миршабъ, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, прислалъ челоуѣка за своей долей и получилъ 100 тенегъ. Вотъ такимъ образомъ изъ-за одной торбы навоза четверо облеченныхъ властью въ этой области людей вытянули отъ бѣднаго Сафара 600 тенегъ!!!

Слушая этотъ рассказъ, я вспомнилъ исторію покупки чая дехканомъ и спросилъ собесѣдника:

— „Братъ мой! Какъ мнѣ довелось услышать жители этого города не имѣютъ сразу 10 тенегъ наличными деньгами. Откуда же раздобылъ этотъ бѣдняга въ пятидневный срокъ 600 тенегъ.“

Тотъ, разсмѣявшись, отвѣчалъ:

— Да, конечно, сами то они не имѣютъ при себѣ ни одной тенги, но, Хвала Всевышнему, въ городѣ есть много людей, разрѣшающихъ подобныя затрудненія и щедрыхъ, они и даютъ деньги.

— „Это что за люди?“

— Ростсешини. Споссы, какими они даютъ деньги очень удивительны. Предположимъ, что я—ростовщикъ и тотъ самый Сафаръ, нуждаясь въ 600 тенгахъ для уплаты судебныхъ издержекъ, пришелъ ко мнѣ. Я соглашаюсь дать ему деньги при условіи полученія съ него по 4 тенги въ мѣсяць съ каждыхъ 100, онъ поневолѣ готовъ принять это условіе. Тогда я выдаю ему, но опять таки не сполна деньгами, а половину товаромъ; такъ напри- мѣръ на каждыя сто тенегъ, просимыхъ у меня я выдаю:

1 „нимча“ чаю	10 тенегъ
10 „серовъ“ пшеницы	25 „
10 „серовъ“ джугары	15 „

Всего . . . 50 тенегъ

пятьдесятъ же тенегъ я дамъ наличными деньгами. На 600 тенегъ значитъ придется товару въ 6 разъ больше, а именно:

6 „нимча“ чаю	60 тенегъ
1 1/2 „мана“ пшеницы	150 „
1 1/2 „мана“ джугары	90 „

всего на 300 тенегъ и 300 тенегъ наличными. Бѣдняга съ великимъ огорченіемъ говоритъ: „мнѣ нужно 600 тенегъ деньгами, а этотъ чай, пшеница и джугара отъ какой болѣзни могутъ мнѣ помочь?“ Я грубо отвѣчаю: — „а мнѣ какое дѣло? тащи на базаръ, продай!“ тотъ бѣдняга начинаетъ упрашивать, чтобы я взялъ весь этотъ товаръ по какой мнѣ угодно цѣнѣ; я соглашаюсь и принимаю свой товаръ по такому расчету:

6 „нимча чаю“	36 тенегъ
1 1/2 „мана пшеницы“	120 „
1 1/2 „мана джугары“	60 „

и значить вмѣсто 300 выдаю только 216 тенегъ. Этотъ бѣдняга, получивъ только 300 тенегъ да еще 216 тенегъ за товаръ, всего 516 тенегъ, считается должнымъ мнѣ 600 тенегъ! Въ этой сдѣлкѣ обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства: моя несправедливость и его безвыходное положеніе. Разберите теперь первое: давъ только 516 тенегъ, я потребую съ него 600, то-есть не вынувъ еще изъ кармана этихъ денегъ, я зарабатываю 84 тенги; кромѣ того онъ долженъ будетъ мнѣ заплатить процентовъ за одинъ годъ 288 тенегъ. Затѣмъ, посмотрите на его несчастное положеніе: во первыхъ, получивъ всего 516 тенегъ, онъ считается должнымъ мнѣ 600; во вторыхъ, вмѣстѣ съ процентными деньгами долгъ дойдетъ черезъ годъ уже до 888 тенегъ. Принявъ же во вниманіе, что такого рода дѣла случаются съ каждымъ не одинъ разъ въ годъ, а по крайней мѣрѣ раза три, можно думать, что черезъ годъ долгу у такого бѣдняка наберется тысячи на три тенегъ. Самъ онъ не имѣетъ ни гроша, откуда же онъ возьметъ столько денегъ для уплаты долга? Конечно онъ долженъ продать свой домъ и свою землю, чтобы расквитаться съ кредиторами, а самъ со своей семьей идти собирать подъ окнами милостыню!.. Вотъ это и есть одно изъ самыхъ тяжелыхъ несчастій, которыя падаютъ на нашу голову!!!...

Я, сильно возмущенный всѣмъ, что услыхалъ отъ писаря, проговорилъ:

— „Никогда милость Божія не осѣнитъ той страны, въ которой такъ угнетаютъ рабовъ Божьихъ!!...“

Пробывъ въ Хатырчи цѣлую недѣлю, я отправился въ Бухару. Когда на станціи Хатырчи я сѣлъ въ поѣздъ, то сосѣдями моими оказались два купца и одинъ бухарскій мулла. Вскорѣ я узналъ, что всѣ они ѣдутъ изъ Самарканда въ Бухару.

Поѣздъ тронулся и каждый занялся своимъ дѣломъ: купцы углубились въ разговоръ о торговлѣ, я, доставъ книгу, сталъ читать ее, а мулла улегся спать. Мы про-

ѣхали одну станцію; купцы продолжали бесѣдовать, я углубился въ чтеніе, только мулла не могъ заснуть. Наконецъ ему стало скучно, и онъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Братъ мой! Эти двое—люди мірскіе и занимаются своимъ разговоромъ; почему вы и я, люди ученые, не займемся бесѣдой?

— „Вашъ покорный слуга занятъ книгой, почему вы не примете участіе въ разговорѣ своихъ спутниковъ?“

— Братъ! Я человѣкъ науки, а они простые міряне, и я ровно ничего не понимаю изъ ихъ разговора.

— „Прекрасно! Въ такомъ случаѣ вы имъ чтонибудь расскажите, можетъ быть они и поймутъ васъ.“

Оба купца прекратили разговоръ и стали прислушиваться къ нашимъ словамъ. Одинъ изъ нихъ, съ улыбкой взглянувъ на меня, произнесъ:

— Ихъ милость бесѣдовали отъ самаго Самарканда до сихъ поръ, не давая намъ возможности что либо сказать, а мы, несчастные, положительно ничего не могли понять изъ ихъ рѣчей.

— „Вы должно быть плохо слушали господина ученаго и потому и не понимали его; вѣдь рѣчи ученыхъ людей всегда и повсюду достойны того, чтобы ихъ слушать, и всегда приносятъ пользу!“

— Мы слушали хорошо, цѣль разговора поняли, но пользы отъ него ровно никакой не получили!

— „Удивительно!! Не можете ли вы мнѣ сказать, что именно изъ разговора господина муллы вы поняли?“

— Конечно могу! Господинъ ученый говорили не переводя духа цѣлыхъ пять часовъ. Изъ всего ихъ разговора мы поняли только слѣдующее: покойный старшій казій былъ прекрасный человѣкъ; нѣсколько разъ онъ со смѣхомъ смотрѣлъ на господина муллу и если бы не умеръ, то далъ бы имъ должность какогонибудь большого мудариса, но увы, онъ померъ!!... Теперешній же старшій казій—человѣкъ очень несправедливый, потому что до

сихъ поръ не посмотрѣлъ смѣясь на муллу!... Посудите сами, что мы можемъ понять изъ такихъ рѣчей?!

— Братъ мой, сказалъ мулла, обращаясь ко мнѣ, — это люди мірскіе, намъ не слѣдуетъ разговаривать съ ними; давайте побесѣдуемте мы съ вами!

— „Господинъ мулла, отвѣчалъ я, — почему вы все время называете ихъ мірскими людьми и какъ бы укоряете ихъ?“

— Они всегда заняты торговлей и заботятся о томъ только, чтобы стать богатыми; поэтому мы называемъ ихъ мірскими людьми и не уважаемъ?

— „Почему же вы ихъ не уважаете?“

— Потому что Пророкъ относительно ихъ изволилъ сказать: *«Міръ есть надалъ, а ищущіе его собаки»*. *)

— „Значить и эти два нашихъ собрата тоже собаки?“

Мулла, разсмѣявшись, отвѣчалъ:

— Согласно словамъ Пророка выходитъ такъ. Но вѣдь у насъ въ городѣ не очень то слушаются указаній шаріата и всякій занимается тѣмъ, что ему больше по сердцу; если бы нашъ народъ поступалъ согласно велѣніямъ Бога и Его Пророка, то всѣ совершенно бросили бы эти дѣла и проводили бы дни и ночи въ молитвѣ.

— „Если бы весь народъ денно и ночью молился бы и не занимался бы никакими ремеслами и работами, то откуда брали бы всѣ себѣ пищу и одежду?“

— Богъ пошлетъ!..

— „Они изъ простого народа и, если совершатъ что нибудь противное шаріату, то конечно не умышленно, а по незнанію, и это не грѣшно. А вы, люди ученые, поступаете ли по заповѣдямъ Бога и Его Пророка или нѣтъ?“

— Конечно поступаемъ!

— „Вы говорите, что заботиться о мірскихъ дѣлахъ запретилъ и Богъ и Пророкъ, а вы заботитесь о нихъ

*) *الدنيا جيفة وطالبها كلاب*“)

или же, совершенно отказавшись отъ всего мірскаго, проводите день и ночь въ молитвѣ?

— Я никогда не занимался мірскими дѣлами, а всегда по мѣрѣ силъ своихъ служилъ Богу.

— „Такъ зачѣмъ же вы говорили этимъ купцамъ, что покойный главный казіи былъ хорошимъ человѣкомъ и смотрѣлъ на васъ благодушно, а новый—плохой, потому что не смотритъ на васъ такъ? Изъ этихъ вашихъ словъ ясно, что и вы заинтересованы въ мірскихъ благахъ. Между вами и этими купцами только та разница, что они добываютъ свое пропитаніе трудами рукъ своихъ, а вы хотите получить это отъ благодушія главнаго казіи: купцы день и ночь проводятъ въ трудѣ и заботахъ, а вы изволите помышлять лишь о благосклонности вельможи!“

— Братъ мой! Пропитаніе мнѣ ниспосылаетъ Господь, но не непосредственно. Конечно для этого нуженъ какой нибудь способъ, и вотъ имъ то и является благорасположеніе главнаго казіи. Поэтому я считаю не безполезнымъ иногда подумывать о немъ.

— „Прекрасно! Но вы опять ломаете палку о свою собственную голову: они тоже думаютъ, что пропитаніе имъ посылаетъ Богъ, а работа является способомъ передачи его и поэтому торговлю считаютъ именно способомъ полученія пропитанія. Я опять повторяю, что способъ этотъ для нихъ—трудъ и забота, а для васъ—благосклонность главнаго казіи. На мой взглядъ ихъ средство съ точки зрѣнія шаріата и лучше и выше, чѣмъ ваше, потому что Всевышній Богъ повелѣлъ: *«Нѣтъ ничего для людей, кромѣ ихъ старанія»*. *) Пророкъ изрекъ: *«люди, которые, утолившись на пути чистыхъ желаній, уснули, снѣтъ и Богъ отпуститъ ихъ грѣхи»*. **) Въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *«одина изъ васъ, взявъ веревку, идетъ на гору, соби-*

*) *وولیس للانسان الا ماسعی* „

**) *ومن بات كالا من طلب الجلال بات مغفورا* „

раетъ тамъ дрова, продаетъ, деньги эти расходуетъ и, если возможно будетъ, творитъ милостыню; во всякомъ случаѣ это будетъ лучше, чѣмъ просить на свое пропитаніе у другихъ.» *) Каждый изъ этихъ стиховъ и изреченій восхваляетъ трудъ и стараніе и прославляетъ трудящихся, а васъ и подобныхъ вамъ порицаетъ и укоряетъ какъ попрошайку!“

— А что вы скажете относительно изреченія, которое гласитъ: «миръ есть падалъ, а ищущіе его—собаки.»

— „Гдѣ вы изволили видѣть это изреченіе?“

— Слышалъ.

— „Мнѣ кажется, что изреченіе, сказанное вами, вовсе не принадлежитъ Пророку.“

— Нѣтъ, нѣтъ! Это навѣрно изреченіе самого Пророка Божія, потому что я слышалъ его отъ своего учителя.

— „То обстоятельство, что вы слышали это отъ учителя, не можетъ служить доказательствомъ подлинности даннаго изреченія. Вѣдь вы навѣрно знаете (?), что на свѣтѣ есть очень много изреченій, но не всѣ они отъ Пророка, да будетъ надъ нимъ миръ, а большая ихъ часть создана потомъ и ложны. Имамъ Мухаммадъ бинъ Измаиль Бухарскій, для того чтобы написать свою книгу „Сахихи Бухари“,—собралъ 600,000 ихъ, а изъ этого числа выбралъ только 9,200 изреченій вполне истинныхъ и записалъ ихъ въ эту книгу, такъ что три тысячи изъ нихъ повторяются. Итакъ, на взглядъ Имама Бухари изъ тѣхъ 600,000 изреченій достовѣрными оказались только 6,000. Затѣмъ я доложу вамъ еще слѣдующе: Имамъ Бухари покинулъ этотъ грѣшный міръ въ 256 году Хиджры; значитъ въ 200 съ небольшимъ лѣтъ, то есть со времени Пророка, да будетъ надъ нимъ миръ, и до Имама Бухари, появилось болѣе 600,000 сомнительныхъ изреченій, кто

*) ولان يأخذ احدكم حبله ثم يغدوا الى الجبل فيحطب فيبيع *)
فيأكل ويتصدق خيره من ان يسئل الناس

же можетъ знать, сколько милліоновъ ихъ появилось со времени Имама Бухари и до нашихъ дней, то есть за 1070 лѣтъ? И поэтому на достовѣрность изреченія не можетъ указывать то, что вы слышали его отъ учителя.“

Одинъ изъ купцовъ сказалъ:

— Оставьте этотъ вопросъ и возвратитесь къ прежней темѣ. Всѣмъ извѣстно, что торговля въ нашей Бухарѣ очень отстала, и я долженъ признаться, что для этого есть много причинъ. Нельзя не указать, что одной изъ этихъ серьезныхъ причинъ служатъ наши улемы и шейхи, такъ какъ они сплетаютъ столько разсказовъ и новыхъ изреченій относительно того, то нельзя прилагать усилій къ тому, чтобы разбогатѣть и поднять торговлю, что совершенно выгнали изъ головы нашего народа мысль о богатствѣ и торговлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, теперь я, не смотря на то, что занимаюсь торговлей давно, не чувствую никакого влеченія къ веденію своихъ дѣлъ, потому что убѣжденъ, что стараться пріобрѣтать мірскія деньги противно Божьему велѣнію.

— „Дѣйствительно, этотъ вопросъ достоинъ обсужденія. По моему для cadaго народа нужна и торговля и обладаніе капиталами, если разсуждать здраво; нужна она и съ точки зрѣнія шаріата: вы не найдете ни во всемъ Коранѣ ни въ Хадисѣ ни одного слова, которымъ бы запрещалась мусульманамъ торговля. Наоборотъ, Господь и Его Пророкъ дали много великихъ приказаній относительно распространенія этого занятія. Прежде чѣмъ процитировать тѣ приказанія, я попробую доказать это своему оппоненту однимъ яснымъ и понятнымъ примѣромъ: каждому изъ васъ извѣстно, что у мусульманъ есть пять священныхъ обязанностей: исповѣданіе Бога, протъ, молитва, милостыня и паломничество въ Мекку. Всякому понятно, что для подачи милостыни и совершенія паломничества нужны деньги, и люди, не имѣющіе денегъ, лишены возможности исполнять эти обязанности. Хотя молитву и постъ совершаютъ и бѣдные люди, но мы должны!

признать, что молитва и постъ богатыхъ и обеспеченныхъ лучше, чѣмъ бѣдныхъ, такъ какъ однимъ изъ условій хорошей молитвы является то, чтобы вниманіе молящагося было направлено ко Всевышнему Богу, а бѣдные нищіе, голова которыхъ занята мыслями о кускѣ хлѣба на завтрашній день, не могутъ никогда отвлечь своего вниманія отъ мірскихъ заботъ. Также и въ постѣ: богачи привыкли ѣсть въ полдень вкусный обѣдъ, и натура ихъ требуетъ его. Поэтому они, исключительно для того, чтобы заслужить милость Божію, отказываются отъ него и сидятъ голодными до вечерняго намаза; поэтому въ постѣ богачей видно подчиненіе Божьему велѣнію, чего нѣтъ у нищихъ, прости ихъ Господи!.....

Посмотрите, какъ прекрасно говоритъ объ этомъ нашъ мусульманскій философъ Шейхъ Саади:

„Если сила въ щедрости и могущество въ земныхъ поклонахъ, — все это легче удастся богачу, потому что у него имущество очищено милостыней, платье чисто, честь сохранена и сердце спокойно. — Сила подчиненія въ пріятномъ кускѣ и искренность молитвы заключается въ чистомъ платьѣ“.

„Какая сила отъ пустого желудка и какая щедрость отъ пустой руки?“

„У богачей есть и вакуфы, и обѣты, и гостепріимство;

„Милостыня, столъ для разговѣнья, освобожденіе рабовъ и жертвы;

„Ты же, когда можешь достигь ихъ счастья, если не можешь

„Сдѣлать эти два рика'ята *) и то съ сотней грѣшныхъ мыслей?“

*) См. указатель.

Вотъ мы дошли до исповѣданія Бога, гдѣ выказывается вѣра въ Единство Бога и свидѣтельствуется пророческая миссія Пророка. Подтвержденіе этихъ положеній дѣлается сердцемъ вѣрующаго, а опредѣленіе—языкомъ; какъ для того, такъ и для другого положительно необходимо немного знаній, а чтобы получить эти знанія нужны деньги. Итакъ, и для исполненія этой священной обязанности надо имѣть средства. Теперь ясно стало, что для правильнаго соблюденія всѣхъ пяти основныхъ положеній Ислама необходимо обладать деньгами. Объ этомъ и Пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ, сказалъ: *«нищій близокъ къ невѣрности *)* и *ищите убѣжища у Бога отъ бѣдности и нужды».* **)

Мулла, разсердившись на меня за эти слова, сказалъ:

— Всѣ эти ваши рѣчи не имѣютъ никакого значенія по двумъ причинамъ: во первыхъ, всѣ процитированныя вами священныя изреченія ложны, такъ какъ Пророкъ никогда не порицалъ нищихъ, а даже говорилъ: *«бѣдность—мое достоинство, и я горжусь ею»* ***); во вторыхъ, вы говорите, что нельзя исполнять правильно всѣхъ пяти основныхъ обязанностей мусульманина, не имѣя денегъ; но вѣдь всѣ бухарскіе улемы сторонники бѣдности, однако всѣ эти обязанности исполняютъ правильно и точно!...

— „Господинъ мулла! Во первыхъ та бѣдность, которой гордился Пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ, вовсе не нищенство, а „подчиненіе души своей волѣ Божьей;“ такого рода бѣдность можетъ быть и у богатыхъ людей: такъ, какойнибудь богачъ можетъ совершенно не соблюдать поста въ мѣсяцъ Рамазанъ и днемъ варить себѣ разнообразныя кушанья внутри дома, тайно, и кушать ихъ, а ночью устраивать у себя пріятныя собранія и

*) *و كاد الفقران يكون كفرا* *

***) *و استغيثو بالله من الفقير و عيلة* **)

***) *و الفقر منى وبه افتخر* ***)

даже употреблять спиртные напитки. Но никто не дѣлаетъ этого!.. И безъ всякаго принужденія и отвращенія, а исключительно для исполненія заповѣди Бога, днемъ соблюдаютъ постъ, а ночью присутствуютъ на молитвѣ съ 20-ю земными поклонами. Вотъ это и называютъ „подчиненіе души своей волѣ Божьей“, и это же и была та самая бѣдность, которой гордился Пророкъ. Во вторыхъ, вы назвали бухарскихъ улемовъ поощряющими бѣдность; вѣрно, они поощряютъ бѣдность, но сами то вовсе не бѣдны; ваши ученые желаютъ бѣдности не себѣ, а только другимъ. Ихъ цѣль называется такъ: *«ты не тронь, чтобы я взялъ!»*

Теперь возвращусь къ первоначальной темѣ: относительно собиранія денегъ и поощренія торговли въ шаріатѣ есть много указаній. Нѣкоторыя изъ нихъ я сейчасъ доложу вамъ: въ 4-ой главѣ Корана Господь Вседержитель изрекъ: *«не давайте своею имущества глупымъ и неблагодарнымъ, такъ какъ Господь Богъ сотворилъ богатства ваши, какъ причину продолжительнаго существованія вашего благополучія и выгоды»* *). Пророкъ изрекъ: *«правдивый и честный купецъ будетъ въ одномъ мѣстѣ съ пророками и убитыми за вѣру»* **) и далѣе: *«по соотвѣтственности, которую любитъ Всевышній, благодѣлающему раба—богачу.»* ***) Вотъ изъ моихъ объясненій и стало понятно, что мусульманскій шаріатъ вовсе не запрещаетъ торговли и богатства, а даже поощряетъ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что хотя законъ разрѣшаетъ торговлю, но строго запрещаетъ скупость, мотовство и корыстолюбіе. Слѣдовательно, кто подчиняется указаніямъ Бога и Пророка, тотъ долженъ заниматься торговлей и копить деньги, воздерживаясь отъ скупости, корыстолюбія и мотовства“.

*) وَلَا تَوَسَّعْهُاْ اَمْوَالَكُمُ النَّیْ جَعَلَ اللّٰهُ لَكُمْ قِيَامًا ۙ

*) التَّاجِرُ الصَّدِیْقُ، الْاَمِیْنُ مَعَ النَّبِیْنِ وَالصَّدِیْقِیْنَ وَالشَّهَدَآءَ ۙ

*) وَاِنَّ اللّٰهَ یُحِبُّ الْعَبْدَ التَّقِیَّ ۙ

Въ это время поѣздъ остановился; я спросилъ, какая это станція? Мнѣ отвѣчали, что Кермине. Одинъ изъ купцовъ вышелъ изъ вагона и принесъ хлѣба и чаю, и мы всѣ вмѣстѣ стали закусывать. Мулла тоже вышелъ на платформу и сталъ прогуливаться; затѣмъ онъ вернулся въ вагонъ, но на этотъ разъ сѣлъ на другое мѣсто, подальше отъ насъ. Мы же снова начали бесѣдовать.

— Я очень благодаренъ вамъ за ваши рѣчи, сказалъ купецъ;—бухарскіе муллы постоянно называютъ насъ „мірскими людьми“ и относятся къ намъ съ пренебреженіемъ.

— „Очень жаль! Если богачи не будутъ держаться вдали отъ правды и щедрости, достойны будутъ согласно здравому смыслу и закону похвалы и одобренія. Обратите вниманіе на слѣдующее: мусульмане гдѣ изучаютъ свою религію?—въ медресе; гдѣ молятся Богу?—въ мечетяхъ. Кто же построилъ эти мечети и медресе для насъ?—Богачи. Въ такомъ случаѣ богачи достойны похвалы, а не порицанія и презрѣнія!.....

До сихъ поръ я вамъ разъяснялъ, что наша религія не запрещаетъ заниматься торговлей, не упоминая ничего о другомъ вопросѣ. Теперь поговоримъ о немъ.

Интересно, почему мусульманская религія поощряетъ торговлю? Потому что вопросъ о торговлѣ связанъ съ вопросомъ о жизни и смерти человѣчества. Устранить какую нибудь нужду человѣчества невозможно безъ вмѣшательства торговли. Вашъ великій предокъ Эмиръ Тимуръ *) сказалъ: „Міръ не успокоится иначе, какъ въ тѣни торговли“. Особенно въ наши дни торговля имѣетъ большое значеніе. Въ прежнія времена цари и правители міра вели войну или заключали миръ другъ съ другомъ исключительно изъ-за своихъ личныхъ выгодъ. Если вы внимательно разсмотрите прежнія войны, то увидите, что поводы къ нимъ были приблизительно одинаковы и таковы: одинъ царь не пожелалъ выдать свою дочь за другого,

*) Тамерланъ.

или не оказалъ почестей и уваженія его послу, а второй, обидившись, сейчасъ же посылаетъ противъ него войска. Основнымъ же поводомъ къ войнамъ въ наши дни является исключительно торговля. Напримѣръ, какое нибудь государство, дѣлая большіе успѣхи, отправляетъ своихъ людей въ другое болѣе слабое государство для распространенія своихъ товаровъ и, получивъ тамъ нѣкоторыя привиллегіи, открываетъ путь для торговли въ эту страну. Черезъ нѣкоторое время, какъ только туземцы какимъ нибудь способомъ нанесутъ ущербъ ихъ торговлѣ, тотчасъ же посылаютъ противъ нихъ войска и какими только возможно путями стараются забрать себѣ всю землю. Если же въ этой странѣ ведетъ торговлю другое какое нибудь сильное государство, тогда оно тоже для защиты своихъ торговыхъ интересовъ выставляетъ свои войска и начинаетъ войну. Такимъ образомъ получается, что два большихъ государства въ странѣ третьяго, посторонняго, несутъ большіе расходы, стягиваютъ войска, начинаютъ войну—и все изъ-за торговли!"

— Удивительно!... Почему же эти государства несутъ такія потери изъ-за охраны своей торговли? Предположимъ, что двое—трое изъ жителей какого нибудь государства получаютъ выгоду или несутъ ущербъ; а цѣлымъ государствамъ то какое до этого дѣло?

— „Эти всѣ государства расходуютъ всѣ получаемыя съ какой нибудь подвластной имъ области деньги на эту же самую область, а пользу получаютъ только отъ торговли, которую ведутъ тамъ. Въ настоящее время, напримѣръ, Индія находится въ рукахъ англичанъ, но изъ податей, собираемыхъ съ Индіи, ни одной копѣйки не попадаетъ въ англійскую казну, всѣ тратятся на благоустройство самой же Индіи, а Англія довольствуется лишь доходами отъ торговли, и пока у нея есть душа, будетъ защищать свою торговлю. Всѣмъ извѣстно, что если бы въ Индіи нѣмецкіе купцы вытѣснили англійскихъ, то

англичанамъ стало бы безразлично, существуетъ ли сама Индія, или нѣтъ.

Теперь разберемъ немного въ теперешней торговлѣ, которой занимаетесь вы, бухарцы. На мой взглядъ теперешняя ваша торговля вовсе не та, относительно которой Пророкъ, да будетъ надъ нимъ миръ, далъ свои приказанія, а совершенно другая, даже не похожая на ту. Пророкъ же приказалъ заниматься такой торговлей, которую въ настоящее время ведутъ европейцы, торговлей, дающей пользу; вы же до сего времени занимаетесь этимъ дѣломъ совершенно не для того, чтобы извлечь пользу, а исключительно изъ-за своего честолюбія. Напримѣръ: въ этомъ году въ Бухарѣ такой то бай скупаетъ 60,000 каракулевыхъ шкурокъ; зачѣмъ? а потому что другой бай скупилъ столько же и ѣдетъ торговать къ „Макарію“ *); почему? а только потому, что ему захотѣлось прокатиться. Такого рода занятія не называются торговлей, и всякій народъ, считающій эти забавы торговлей, непременно долженъ разориться и исчезнуть.

Для подкрѣпленія этого моего мнѣнія мы сдѣлаемъ нѣкоторое разслѣдованіе: я спрошу у васъ: бухарскіе купцы нѣсколько лѣтъ тому назадъ занимались торговлей хлопкомъ, а теперь почему бросили это дѣло?“

— Потому что получили большіе убытки отъ этой торговли.

— „Ну, а теперь, послѣ того какъ бухарцы прекратили торговлю ватой, иностранные купцы ведутъ эту торговлю или тоже бросили?“

— Теперь очень много чужихъ купцовъ пріѣзжаетъ въ Бухару для скупки хлопка и дѣлаютъ большія дѣла.

— „А эти иностранные торговцы, также какъ и бухарскіе, несутъ убытки или же получаютъ барыши?“

— Если бы они несли убытки, то прекратили бы скупку хлопка; а такъ какъ они дѣла этого не прекращаютъ, а напротивъ, годъ отъ года расширяютъ его, то

*) Нижегородская ярмарка.

очевидно, что они не терпятъ убытковъ, а получаютъ выгоды.

— „Поразительно! Бухарскіе купцы, не смотря на то, что сами они уроженцы этого города и знаютъ все, „и высокое и низкое“ его лучше, чѣмъ иностранцы, почему то несутъ убытки отъ торговли хлопкомъ! Почему? Вторые же, будучи чужими въ Бухарѣ, не зная мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и путей, получаютъ барыши! Какимъ же образомъ?“

— Иностранцы всѣ заводы и машины выстроили и установили сами. Въ этомъ отношеніи мы зависимъ отъ нихъ, и поэтому наши расходы превышаютъ ихъ расходы, и мы несемъ ущербъ.

— „Это не является причиной вашихъ неудачъ; есть другая, серьезная причина, а именно: иностранные купцы находятся въ согласіи и единодушны, а вы какъ разъ напротивъ. Вы постоянно пускаете по вѣтру свои капиталы изъ-за конкуренціи съ кѣмъ либо другимъ. Во время скупки товаровъ у васъ главная цѣль та, чтобы превзойти какого нибудь другого бухарскаго купца, купить товару больше чѣмъ онъ и нанести ему убытки. Поэтому въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что вы, соперничая другъ съ другомъ, покупаете хлопокъ чуть не въ четыре раза дороже чѣмъ въ Москвѣ и несете убытки. При покупкѣ каракулевыхъ шкурокъ вы поступаете по тому же самому гадкому обычаю. Иностранцы же купцы не таковы: они, прежде чѣмъ придти на базаръ и покупать что нибудь, собираются гдѣ нибудь и совѣщаются; узнавъ, что въ Москвѣ стоимость пуда хлопка 15 рублей, они рѣшаютъ не покупать здѣсь дороже 10 рублей и послѣ этого идутъ уже на базаръ; тамъ скупаютъ товаръ, твердо держась принятаго рѣшенія. Какъ только цѣна ваты поднимется до 10 рублей 15 коп., всѣ согласно между собою закрываютъ кошельки; продавцы поневолѣ должны опять понизить цѣну на 15 коп. и продать свой товаръ по 10 рублей“

Теперь, если мы соединимъ ваше мнѣніе и мое, получимъ въ результатъ слѣдующее: во первыхъ, иностранные купцы находятся въ согласіи между собою и единодушны, вы же—нѣтъ; во вторыхъ, они имѣютъ собственные заводы, вы же—нѣтъ; и затѣмъ добавлю еще отъ себя, въ третьихъ, они изучали въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ спеціальныя коммерческія науки, вы же—нѣтъ!... И такъ, они получаютъ барыши, а вы несете убытки. По этой самой причинѣ они отняли у васъ всю торговлю хлопкомъ и шелковичными коконами; я могу съ увѣренностью сказать, что, если это несогласіе, отсутствіе обрабатывающей промышленности и невѣжество въ самомъ непродолжительномъ времени не исчезнутъ изъ вашей среды, то они возьмутъ отъ васъ и торговлю каракулевыми шкурками. Какое же средство противъ этого? Что нужно дѣлать, чтобы торговля не уходила изъ вашихъ рукъ? Я доложу вамъ и это: во первыхъ, вамъ необходимо быть согласными и единодушными между собою; ясная мусульманская вѣра тоже предписываетъ намъ быть во всѣхъ случаяхъ таковыми.... Ахъ!.. Если бы наши ученые получше разъясняли это великое приказаніе Божье, а мы исполняли бы его, то теперь не встрѣчались бы съ такими губительными несчастьями! Во вторыхъ, вамъ нужно самимъ имѣть собственные фабрики. Надо сознаться, что теперь въ Бухарѣ мало такихъ купцовъ, капиталовъ которыхъ хватило бы и на постройку фабрикъ и на веденіе торговыхъ предпріятій. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы десять бухарскихъ купцовъ сложили бы вмѣстѣ свои капиталы, то можно было бы на эти деньги выстроить четыре фабрики, и хозяева ихъ могли бы прекрасно продолжать вести торговлю. Европейцы теперь поняли необходимость существованія „товариществъ“ и призываютъ соотечественниковъ къ учрежденію ихъ. Пророкъ же, да будетъ надъ нимъ миръ, тысячу триста лѣтъ тому назадъ сказалъ своимъ послѣдователямъ такъ: *«Всевышній Богъ говоритъ: двумъ товарищамъ, которые не будутъ дѣлать*

измѣны другъ другу, Я окажу свое покровительство, а если только выкажутъ изроченство по отношенію одинъ къ другу, будутъ лишены Моего покровительства». *) Въ третьихъ, вамъ слѣдуетъ посылать своихъ дѣтей въ спеціальныя школы для полученія ими коммерческаго образованія, потому что вы не сможете сравняться съ иностранными образованными купцами, пока не будете сами образованы. Объ этомъ Всевышній Богъ говоритъ въ Коранѣ такъ: «люди, которые не знаютъ, не сравниваются съ людьми, которые знаютъ». **)

Есть и еще одинъ пунктъ, о которомъ я расскажу вамъ: цѣль торговли—это полученіе денегъ, но способы полученія денегъ разные, не одна только торговля, есть еще много другихъ, на примѣръ, добыча рудъ и ремесла. Къ сожалѣнію вы, бухарцы, ни съ тѣмъ, ни съ другимъ не знакомы! Въ настоящее время въ Бухарскихъ владѣніяхъ есть множество залежей золота, мѣди, желѣза, каменнаго угля, нефти и проч., но какая отъ нихъ польза, если вы до сего времени не разрабатываете ихъ?!.. Повторяю: вамъ прямо таки необходимо образовывать товарищества, отбросить въ сторону всѣ разногласія и раздоры, стараться и извлекать пользу изъ всѣхъ этихъ Божьихъ даровъ, которые подъ землей ожидаютъ вашего труда и стараній. Разрабатывать же ихъ и извлекать изъ нихъ выгоды нужно исключительно новыми способами, то есть фабриками и машинами.

Не забудьте также и того, что, если вы, бухарцы, согласно моимъ словамъ, не будете по возможности скорѣе пользоваться этими Божьими милостями, то безъ сомнѣнія тѣ же иностранные купцы въ самомъ близкомъ будущемъ завладѣютъ этими рудниками и поставятъ надъ

*) وقال الله تعالى: انا ثالث الشريكين ما لم يخن احدهما صاحبه *)

فاذا خانه خرجت من بينهما *

*) وهل يستوى الذين يعلمون والذين لا يعلمون **)

каждымъ изъ нихъ благодѣтельныя фабрики и машины. Будутъ получать множество денегъ, дадутъ работу тысячамъ рабочихъ. Тогда ваши же дѣти поневолѣ должны будутъ подставить свою шею подъ ихъ работу!... Точно также обстоитъ дѣло и съ ремеслами: въ настоящее время въ вашей странѣ есть одинъ родъ ремесла, какъ напри- мѣръ выдѣлка „алачи“ и прочаго, но все это вырабаты- вается старыми способами, и, если вы не перейдете на новые, то всѣ эти ремесла тоже уйдутъ изъ вашихъ рукъ. *)“

Въ это время раздался свистокъ паровоза, и кто то сказалъ: „пріѣхали въ Каганъ“. Всѣ стали связывать свои вещи. Поѣздъ остановился, я вышелъ и, сѣвъ на фэ- тонъ, отправился къ своему другу, у котораго останавли- вался раньше. Онъ очень обрадовался моему пріѣзду. Пробывъ три дня въ Бухарѣ, я отправился въ свое дорогое отечество.

„Цѣль наша—дать добрый совѣтъ - и мы сказали;
„Поручивъ васъ Богу, мы уѣхали“.

*) Подробное объясненіе этого я дѣлалъ раньше и считаю лишнимъ по- вторять. (Авт.).

Краткое объясненіе

туземныхъ словъ, встречающихся въ текстѣ:

Азанъ—призывъ на молитву.

Аксакаль—старшина (сельскій, базарный и пр.)

Амляндаръ—должностное лицо въ Бухарѣ, на обязанности котораго преимущественно лежитъ сборъ податей.

Асхабъ—собственно „сотоварищъ“; такъ мусульмане называютъ первыхъ послѣдователей Магомета.

Бай—богачъ.

Вакуфъ—„пожертвованіе“; богатые мусульмане, умирая, обыкновенно жертвуютъ какому нибудь богоугодному заведенію или школѣ участки земли такъ, что доходъ съ нихъ идетъ въ пользу даннаго учрежденія, а самая земля не можетъ быть продана.

Дехканъ—земледѣлецъ, крестьянинъ.

Диванъ-беги—управляющій домомъ; дворецкій.

Имамъ—лицо стоящее во время молитвы въ мечети впереди всѣхъ молящихся, и которому всѣ подражаютъ въ молитвенныхъ дѣйствіяхъ.

Казій—судья.

Кафиръ—невѣрный, не мусульманинъ.

Мазаръ—могила, склепъ.

Манъ—мѣра вѣса=8 пудовъ.

Медресе—мусульманское высшее учебное заведеніе.

Миршабъ—начальникъ полиціи въ Бухарскихъ городахъ.

Мударисъ—(вѣрнѣе мударрисъ) лекторъ, профессоръ въ медресе.

Муджтехидъ—ученый, достигшій высшей степени знанія закона и могущій толковать Коранъ.

Мулла—ученый, образованный человѣкъ или духовное лицо.

Мултукъ—туземное ружье.

Муфтій—родъ адвоката; законникъ; помощникъ казія.

Намазъ—молитва. У мусульманъ есть пять обязательныхъ ежедневныхъ молитвъ:

- 1) Намазъ „субх“ или „бамдад“ за часъ до восхода солнца.
- 2) „зухр“ или „липин“ въ полдень.
- 3) „аср“ или „дигаръ“ за часъ до заката солнца.
- 4) „магреб“ или „шам“ послѣ заката солнца.
- 5) „иша“ или „хуфтен“ черезъ часъ послѣ заката.

Нимча—мѣра вѣса— $1\frac{1}{4}$ фунта.

Нійятъ—„намѣреніе“. Всякій мусульманинъ, прежде чѣмъ предпринять что либо, долженъ высказать, хотя бы про себя, свое намѣреніе или цѣль, то есть для чего и зачѣмъ онъ хочетъ сдѣлать данное дѣло. Самое дѣло можетъ быть дурное, но если намѣреніе хорошее, то дѣло не влечетъ за собой грѣха и наоборотъ.

Пиръ—Основатель духовной секты; благочестивый, уважаемый старецъ, имѣющій послѣдователей и почитателей.

Раисъ—блюститель порядка въ городѣ и нравственности у жителей.

Рамазанъ—мѣсяцъ, въ которой постятся мусульмане.

Рика'ятъ—циклъ молитвенныхъ движеній мусульманъ; каждая молитва (намазъ) состоитъ изъ нѣсколькихъ рика'ятовъ.

Серъ—мѣра вѣса—8 фунтовъ.

Суфій—прислужникъ въ мечети.

Танапъ—мѣра земли— $\frac{1}{4}$ десятины.

Танга—бухарская серебряная монета—15 коп.

Турсукъ—кожа снятая цѣликомъ съ козла или теденка и употребляемая для переноски воды, плаванія и проч.

Улемъ—ученый.

Факихъ—юристъ.

Фарсангъ — мѣра длины — 8 верстами.

Хаджи — паломникъ въ Мекку и Медну.

Хаджъ — паломничество въ Мекку и Медну.

Хадисъ — наречія, оставшіяся отъ Магомета.

Хаузъ — прудъ; яма, наполняемая водою или для сохраненія ея или для того, чтобы дать возможность мутной водѣ отстояться.

Худжра — келья; отдѣльная комната въ медресе или караванъ-сарай.

Хутба — молитва, которую читаютъ по пятницамъ въ мечети, содержащая въ себѣ прославленіе единства и качествъ Бога, испрашиваніе благословенія Его надъ пророкомъ Магометомъ, его семействомъ и надъ царствующимъ государемъ.

Шейхъ — старшина племени, рода; вельможа.

Юзъ-баши — начальникъ ста человекъ солдатъ въ бухарской арміи; фельдфебель.

О П Е Ч А Т К И:

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
32	18 св.	Сеніубусъ	Сенюбусъ
57	1 сн.	обльшихъ	большихъ
62	7 св.	согласашается	согласается
72	1 сн.	словица	пословица
88	6 сн.	протъ	постъ

Цѣна 60 коп.

Волны

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Самаркандъ, Рѣшетниковская, № 9.